

ДМИТРИЙ ЯНКОВСКИЙ

*Флейта
и Ветер*

М. П. ГОРЬКО

ДМИТРИЙ ЯНКОВСКИЙ
Флейта и Ветер

«ЭКСМО»

2002

Янковский Д. В.

Флейта и Ветер / Д. В. Янковский — «Эксмо», 2002

Исход грандиозных событий мирового масштаба, равно как и изменения в жизни отдельного человека, чаще всего определяется роковым стечением обстоятельств. Однако почему порой возникает впечатление, что все эти кажущиеся случайности направлены на достижение определенной цели, выходя далеко за рамки теории вероятности? Можно ли противопоставить что-либо безликой силе, подчинившей себе Случай и уничтожающей всякого, кто осмелится бросить ей вызов? На этот вопрос пытаются ответить герои нового романа Дмитрия Янковского.

Содержание

Часть первая	5
1.	5
2.	16
3.	27
4.	31
5.	40
6.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	64

ДМИТРИЙ ЯНКОВСКИЙ

ФЛЕЙТА И ВЕТЕР

Часть первая

Город

1.

Свежий ветер задул первую спичку. Вторая польхнула огнем и превратила кончик сигареты в серую рыхлость пепла. Дым был приятным. Инна поправила волосы и присела у самых перил.

Над пирсами порта в солнечном свете кувыркались чайки.

Внизу, возле парка, стояла гаишная машина. Молодой сержант заметил девушку на балконе и что-то шепнул напарнику. Оба пошленько засмеялись. Инна поморщилась, отвела взгляд и стряхнула вниз пепел. Все-таки она еще «деревня», как говорит Светка. Та бы и ухом не повела. Докурив сигарету почти до фильтра, щелчком отправила подальше от окон.

Пора на занятия.

Инна вернулась в комнату, кинула в сумочку конспекты и спешно спустилась на улицу.

Трамвай подошел почти сразу же. Ехать не долго, указанная в конспекте лаборатория оказалась почти рядом с домом. Трамвай качало, как на волнах, колеса звенели на стыках, дома и деревья медленно проплывали мимо. Сквозь ветви било высокое солнце, создавая в глазах сонное мельтешение. Облака выглядели бронзовыми собаками, нарисованными прямо на небе.

Трамвай остановился на углу восьмой линии. Инна несколько раз моргнула, стряхивая наваждение, и вскочила, вспомнив, что здесь выходить. Когда двери открылись, она сразу заметила сидящую на скамейке в скверике Светку.

Махнула рукой.

– Привет! – однокурница тоже заметила ее и поднялась со скамейки навстречу. – Ты знаешь куда идти? Я, как всегда, все прослушала...

– Найдем. – Инна поправила на плече сумочку и оглянулась, прикидывая, где бы мог быть нужный дом. – наших еще нет?

– Вообще-то еще рано, все соберутся позже. Пойдем искать. Я тут уже десять минут. Чуть не уснула... – Светка потянулась по-кошачьи прогнув спину.

Инна бросила на подругу восхищенный взгляд – надо же, как у нее все красиво и легко получается. Инна никогда бы не рискнула потянуться прямо на улице – неудобно. А Светке – хоть бы что, как будто так и надо.

– У меня нарисован план. – Инна достала конспект. – Восьмая линия, дом 67...

– А... Это где-то рядом. – заметила Светка и они направились смотреть номера по восьмой линии.

Прямо на остановке, чуть поодаль от кучки народа, стояла миленькая девчушка с таким наивным взглядом, что ее возраст определить было сложно. Может быть тринадцать, а может и все восемнадцать. На плечах белый, почти прозрачный платок, в руках пачка брошюрок. Она улыбалась всему миру и явно хотела, чтобы весь мир улыбался в ответ. Мир реагировал вяло. Девчушка бросалась навстречу прохожим, предлагая приобрести яркую книжку.

– Достали эти кришнаиты! – буркнула Светка.

Девушка как-то внезапно очутилась перед Инной. Слово «Хаббард», написанное оранжевыми буквами на обложке хищно кинулось в глаза. Что-то среднее между «хапать» и «терзать» послышалось в нем Инне.

– Нет! – она отдернула руку, будто книга была из раскаленной фольги и, схватив Светку за локоть, прибавила шагу.

– Ты что, ненормальная? – Светка забрала руку. – Нельзя же быть такой деревней! Чего шарахаться-то?

Они прошли шагов двадцать, прежде чем Инна смущенно ответила.

– Не знаю... Я их почему-то боюсь. Такие люди похожи на сумасшедших.

– Сама ты сумасшедшая... – Светка выразительно покрутила пальцем возле виска и пошла дальше к маленькой желтой часовенке приспособленной под культурное заведение. – Каждый человек может верить, во что хочет. Тебя волнует?

– Разве я им мешаю? – Инна пожала плечами. – Но и я верю в то, что считаю правильным. А от этих... Какое-то неприятное ощущение. Будто запах.

– Запах?! – Светка усмехнулась. – И она еще говорит что-то про сумасшедших...

Инна достала из под рубашки латунный крестик на позеленевшей цепочке.

– Можешь смеяться, но я верю в Бога. – уверенно сказала она и поцеловала крестик.

– В Иисуса Христа? – небрежно фыркнула Светка. – Уже не модно. Вот я недавно была на дискотеке тантристов. Круто! Энергии и все такое, все друг друга любят. Никаких тебе грехов. Можно обниматься с кем хочешь. Гораздо прикольней, чем стоять на коленях и биться головой об пол. А то, что это за вера – какое-то непорочное зачатие? Чушь! Что же теперь, все кто зачат порочно – грешники? А как по-другому-то? О, нам как раз сюда! – Светка остановилась перед маленькой арочкой. – Восьмая линия, дом шестьдесят девять. Шестьдесят седьмой должен быть внутри, во дворе.

– Мне кажется, это не вера, когда все можно. Это как звери получается... – сурово нахмурилась Инна.

– Ну и фиг с ней, с этой верой. Мне кажется, это не тема для разговора. – улыбнулась Светка и посмотрела на часы. – У нас еще целых тридцать минут... Все цапаются, когда речь заходит о вере. Давай лучше возьмем по бутылке пива и посидим в каком-нибудь дворике. Я знаю тут один.

– Перед занятиями? – неуверенно глянула на нее Инна.

– А что такого? Ты меня удивляешь. – хмыкнула Светка. – Это ж не лекция. Так, развлекуха, экскурсия.

Инна решила не возражать – Светка лучше знает, она питерская.

Они взяли две «Балтики» и побрели по Малому проспекту в сторону кладбища.

Квартала через три Светка нырнула в арку и подружки оказались в пустынном дворе. Лавочки, качели – все как положено.

– У! – резко выдохнула Светка, и эхо заухало в ответ серым филином.

На лавочке вылизывалась большая белая кошка, и подружки решили ее не пугать.

Светка первая заняла качели. Попробовала оттолкнуться, но несмазанное железо жалобно запищало. Инна осторожно опустилась рядом на потертое сиденье скрипучей карусельки.

Кошка оценивающе осмотрела девушек и снова лизнула шерсть.

Светка открыла бутылки, подцепив одну другой. Она очень ловко умела это делать.

Звуки города доносились во двор глухо, как из другого мира.

– У тебя сигареты есть? – спросила Светка, сделав несколько крупных глотков.

Инна достала из сумочки пачку «Vogue»:

– Да... Твои. Ты забыла вчера.

Кошка перестала вылизываться. Она подняла мордочку и внимательно посмотрела в совершенно пустое пространство. Потом медленно повернула голову, будто следила за невидимой на стене тенью. У Инны похолодела спина. Ощутимо похолодела – словно в нее подул ледяной ветер. Светка, как ни в чем не бывало, взяла сигарету и продолжала качаться, а Инна так и замерла с протянутой пачкой.

– Тебя что, переключило? – удивилась Светка. – Зажигалку ты дашь?

Кошка мявкнула и, сорвавшись со скамейки, рванула через двор, будто за ней погналась собака.

Но никакой собаки тут не было.

– Слушай... – почему-то шепотом сказала Инна. – Давай отсюда уйдем.

– Почему? – Светка перестала качаться.

Потянуло приземистым ветерком.

Во двор въехала красная «Нива», мотор басовито урчал, отбрасывая от стен многослойное эхо. За рулем черноволосый парень, а рядом с ним...

Инна даже не сразу поняла, что это такое, лишь через пару секунд догадалась, что это мужчина в жутковатой маске – шлем, окуляры, витой провод за ухом. Словно робот.

Мужчина распахнул дверцу и выскочил на асфальт.

– Он вошел! Алексей, будь наготове. Засветка «Эль шесть». Точно, первый подъезд!

Эхо толкнуло нависшую тишину двора.

Незнакомец снял шлем с окулярами и оказался обычным мужчиной – лет сорок на вид.

– Передай Ирине. – сказал он водителю. – Сейчас пойдет на нее.

Парень за рулем что-то сказал в сотовый телефон. Из машины не было слышно.

Инна со Светкой замерли, не зная, что делать.

– Кажется здесь есть другой выход. – теперь и Светка сообразила, что задерживаться во дворе не стоит. – Надо рвать когти!

Из подъезда донеслись два громких хлопка, словно молотком по жести. Потом еще один. Стекло на третьем этаже звонко посыпалось вниз.

Инна сорвалась с места и побежала через кусты. Зацепилась каблучком за торчавший из земли обрезок трубы и чуть не упала, сделав несколько неприятно длинных шагов. На другом конце двора действительно была еще одна арка, Инна соскочила с бордюра и бросилась к ней по асфальту. Светкины каблочки цокали чуть сзади.

Они выскочили на улицу, перебежали дорогу и вскочили в отъезжающий трамвай.

– Что это было? – Инна никак не могла отдышаться.

– Наверно менты. – Светка неуверенно пожала плечами.

– У ментов рации, а не сотовые телефоны!

– Значит бандюки.

– В такой маске? И кого они там выслеживали? Ни кого же не было во дворе!

– Умеешь ты загрузиться... Фигня все. – философски заметила Светка. – Это Питер, привыкнешь. Если обращать внимание на все странности, крышу снесет.

Инна задумалась.

Трамвай остановился, и они снова оказались на восьмой линии. Светка первой выскочила из дверей.

– Сигареты ты, конечно, бросила. – буркнула она вышедшей следом Инне.

– Ой! – смутилась та. – Вечно я, как рохла какая-то!

– Черт! И я свою потеряла. Ладно... – выругалась Светка и вдруг воскликнула. – Никак мы от этого места не отвяжемся! Заколдованное что ли? И номер-то! Чуть-чуть и шестьдесят шесть...

– Ты что, веришь в эту ерунду? – съязвила Инна и подразнила подругу. – Это не модно. Вот тантристы...

Светка не ответила. Она все делала только по своему желанию. Вот так. Захочет – скажет, захочет – нет. И никаких угрызений совести, никаких комплексов, никакого чувства вины. Инна вздохнула и поплелась следом.

Они прошли через кирпичную арку в небольшой, совершенно квадратный дворик, заставленный милицейскими машинами.

– Ты уверена, что правильно прочитала адрес? – остановившись, спросила Светка. – Похоже тут отделение милиции.

– Это шестьдесят девятый – отделение милиции, а нам шестьдесят семь нужен. – Инна открыла тетрадку и снова проверила запись. – Ну да! Восьмая линия, дом 67. Только что-то не похоже на лабораторию. Какая странная надпись...

На металлической табличке возле двери было выбито: «Ленинградское монтажное управление. Специализированное.»

Светка пожала плечами:

– Арендуют помещение. Какая разница, где? Даже удобно – милиция под боком.

Инна смолчала.

Недавнее происшествие во дворе, казалось каким-то очень уж нереальным. Настолько, что память отказывалась сохранять детали. Мелькнула мысль – а было ли вообще нечто необычное? Подумаешь, мужик в пучеглазой маске... Теперь это не казалось ни страшным, ни странным. Как сон – ни одной зацепки с реальностью.

Светка угрюмо копалась в сумочке:

– Может, где-нибудь завалилась одна?

Раздалось тиликанье пейджера. Светка нажала кнопку, мельком глянула на сообщение и бросила обратно.

Инна снова вспомнила происшествие во дворике. За кем же они охотились? И от кого метнулась кошка? Человек в страшной маске не выходил из головы. Она встряхнула головой, чтобы прогнать видение.

За воротами проезжали совершенно реальные машины, чирикали птицы, на другой стороне дороги копалась в урне собака. Она вытащила зубами консервную банку и сунула туда морду.

– Они меня засыпали сегодня сообщениями. – буркнула Светка. – Отключить что ли...

Она кинула коробочку пейджера обратно в сумку.

– Может быть я неправильно записала? – снова забеспокоилась Инна. – Лаборатория должна быть на втором этаже. Давай поднимемся.

– Давай! – Светка пожала плечами. – Может, там уже кто-то есть?

Дверь «Ленинградского монтажного управления. Специализированного.» бесшумно открылась, и девушки вошли в прохладную полутьму подъезда. Внутри не было ни дверей, ни вахтера, а наверх вела самая обычная бетонная лестница. Поднявшись на второй этаж они увидели ряд раздолбанных стульев и оплеванное эмалированное ведро изображающее пепельницу.

– Экспериментальная лаборатория пограничных состояний психики. – вслух прочла Инна табличку на двери.

– О! Нашла! – Светка наконец перестала копошиться в сумочке, извлекла на свет помятую сигарету и протянула ее Инне. – Прикуривай!

Инна щелкнула зажигалкой, голова слегка пошла кругом, как от слишком глубоких вдохов. Дым смешался с гулким отзвуком голоса...

– Странная какая-то лекция, да и местечко то еще. – Инна стряхнула пепел.

Светка протянула руку за сигаретой и в этот момент снова заиграл пейджер. Она недовольно полезла в сумочку:

– Мишка... Не придет. – Она бросила пейджер обратно и наконец затянулась. – Уже третий человек просит отмазать.

Дверь с надписью «Экспериментальная лаборатория пограничных состояний психики» открылась, и в подъезд вышел высокий худой парень в белом халате с дымящейся папиросой в руке.

Он оглядел девушек со странной улыбкой и, задержав взгляд на Светке, спросил:

– На лекцию?

Он затянулся из своей огромной странной папиросы и чему-то рассмеялся. Дым, который он выдохнул, источал какой-то особенный запах. Инна мучительно пыталась вспомнить, что это такое, но не могла. Она посмотрела на Светку, та как ни в чем не бывало улыбнулась странному лаборанту:

– Ну да. А что?

Пейджер в сумочке снова запищал. Светка торопливо выхватила его и пробежала глазами сообщение:

– Что они сговорились? Сестрички тоже не придут...

Парень с гильзой странно улыбнулся и объявил, как нечто очень забавное:

– Что-то я хотел сказать? Ах, да... Эрик Рихтерович позвонил только что. Говорит – задержится. Велел пока без него начинать. Кстати. Как вас звать? Он просил обязательно составить список пришедших.

Девушки назвали.

Он вытащил из кармана блокнотик с картинкой «X-Files» и старательно записал фамилии.

– Меня зовут Игорь. – представился он и загадочно добавил. – Судя по всему больше никого не будет. Так-так. Ну что ж. Можно сказать, вам исключительно повезло.

Подруги переглянулись и пожали плечами.

Светка хитро сощурилась:

– А нельзя ограничиться только записью? А то у нас полно всяких дел.

– Нельзя. – по-прежнему улыбаясь, Игорь отрезал так холодно, что Инна вздрогнула и уронила недокуренную сигарету.

Светка не сдержалась:

– Ну что ж ты! Раззява! Последняя ведь!

Парень снова улыбнулся и протянул свою папиросу:

– Вот это попробуйте! Вам больше понравится.

Светка не стала ломаться, шумно затянулась и закрыла глаза.

– На. – медленно выпуская дым, она отдала папиросу Инне.

Та нерешительно затянулась и робко посмотрела на Игоря. Тот снова улыбнулся, и Инна поняла, что странного было в этой улыбке. Улыбалось только лицо Игоря. Глаза оставались холодными, изучающими, словно там, внутри черепной коробки, кто-то притаился и жил своей отдельной жизнью.

Инна вздрогнула.

Светка выдохнула и усмехнулась:

– Ну кто так делает! Лохушка... Смотри!

Она показала Инне, как правильно курить косяк. Инна заторможено повторила урок и закашлялась.

– У нашего профессора особенная методика обучения. С погружением... – подмигнул Игорь, и затянулся, раздувая уголек до красноты. – Ух! Какая пяточка! Крепкая паль!

Инна почувствовала, что мозг внутри черепа сдавило тугим мягким обручем. Или вату заколотили внутрь головы. Мысли беспорядочно заметались, запутались так, что стало даже немного страшно.

– Эрик Рихтерович человек э-э-э... неординарный, так скажем. Особенный. Таких часто в жизни не встретишь. И у него весьма необычное чувство юмора. – со смешком сказал Игорь и снова со значением повторил фразу. – Весьма необычное чувство юмора. Но впрочем вам представится возможность оценить тонкость его шуток. Он весьма... неординарен.

– Ну а как конкретно? – Светка довольно нагло ухмыльнулась. – Приведите пример! А то вы все говорите, что он особенный. А в чем его особенность-то? Что это за юмор такой?

Игорь снова странно засмеялся:

– Видите ли. Хе-хех... Он никогда не шутит словами. Все его шутки – это маленькие постановки, в которых люди и предметы играют практически равную роль. Иногда это короткие мизансцены, иногда полноценный спектакль. Ирония событий, в которых какая-нибудь мелочь вроде окурка вдруг приобретает решающее значение. Эрик Рихтерович истинно велик. Нечеловечески велик! – лаборант вдруг наполнился важностью и выдвинув, вперед подбородок втянул в себя последнюю раскаленную струю и, давясь обожженным дыханием, закончил фразу. – А юмор заключается в том, что все доведено до высшей степени совершенства. Впрочем, всему свое время. Сами все увидите. Хе-хех... Ладно. – Игорь выдохнул дым, поплевал на окурочек, а потом разорвал его пополам и выбросил в урну. – Надо идти.

Он распахнул дверь и, пропустил студенток вперед. Девушки переглянулись и вошли в полную темноту. Лязгнул металл. Инна каким-то чутьем определила замкнутость помещения, но тут же медленно разгорелся свет и стало легче. Это было что-то вроде шлюза – со всех сторон металл. Только в дальней стене все ярче и ярче светился глазок. Этого света хватало.

– Круто... – раздался откуда-то издалека Светкин голос, хотя она по-прежнему была рядом. – Прямо как в космическом корабле. Вот это я понимаю – лаборатория.

– А Игорь этот где? – спросила Инна и заметила, что и ее собственный голос раздается откуда-то снаружи. Не так, как она привыкла слышать. Но почему-то это совсем не испугало. Даже наоборот. Все страхи сегодняшнего дня развеялись.

– Откуда я знаю? Сейчас, наверно, придет.

– Слушай. Это анаша, да? – бессмысленно улыбаясь, решила спросить Инна.

– Ну да. – А ты что, никогда не пробовала?

Инна отрицательно покачала головой.

Щелкнули включившиеся динамики.

– Внимание, – раздался чуть искаженный голос Игоря, – Сейчас справа откроется дверь. Вам нужно в нее войти.

Часть стены с шипением отползла в сторону, выпустив откуда-то клубы пара. Инна попятилась, но Светка потянула подругу за руку.

В металлическом коридоре, свет лился из щелей у самого потолка.

– Наденьте халаты и белые тапочки. – скрипнул динамик.

– Он нас что, хоронить собрался? – рассмеялась Светка.

У Инны снова пробежал мороз по коже – обстановка напомнила металлический склеп. Внезапно прямо возле плеча с шипением открылся стенной шкаф с длинными, как саваны, халатами и белыми тапочками. Рядком.

Светка накинула всю эту стерильность поверх одежды, и поторопила насмерть перепуганную Инну:

– Ну чего ты? Приколжно же!

Едва они закончили одеваться, динамик снова сказал голосом Игоря:

– Теперь вперед по коридору. Я жду вас в лаборатории.

Коридор изгибался, словно раковина улитки, и плавно уходил вниз с левой циркуляцией. Тапочки скользили по гладкому металлическому полу, и Инна чувствовала что путь ведет только вперед, а назад уже не вернуться. Она даже оглянулась. Коридор убегал назад так же, как и вперед, но если бы позади оказалась стена, это не показалось бы удивительным.

– Светка! – почему-то шепотом позвала она подругу. – А куда он девался, когда мы вошли?

– Какая разница? – легкомысленно пожала плечами Светка.

– Тебе не кажется, что он странноват? Глаза у него какие... Видела?

– У тебя сегодня все странные. Где ты видела психолога с нормальными глазами? Вспомни остальных преподав...

Действительно, все препода были в институте с чудиной, как говорила бабушка. Инна вспомнила и успокоилась.

Дверь появилась совершенно внезапно, деревянная, в отличие от окружающего металла. Но Инну поразило не это, а две бронзовые собаки, лежащие возле стен, как каменные львы у ворот особняка. Лаборатория и вдруг какие-то статуи. Это же не антикварный магазин.

На двери табличка: «Отв. за противопожарную безопасность Э.Р. Штамм.»

Светка храбро потянула за ручку, и дверь открылась. На пороге стоял Игорь.

За его спиной громоздилась сложная конструкция техногенного происхождения – шкалы, стрелки, ручки, кнопки. Но в отличие от приборов, которые Инна видела до сих пор, эти поражали нарочитой допотопностью, да к тому же, вместо проводов, конструкцию пронизывали прозрачные трубки с синей пульсирующей жидкостью. Он перестал улыбаться и посмеиваться. Наоборот, его лицо приобрело нарочито сосредоточенное выражение.

– Проходите. – он пропустил их в огромный зал, густо заставленный оборудованием. – Здесь мы и работаем. Эрика Рихтеровича сейчас нет, но именно он наш учитель и идейный вдохновитель, доктор наук и начальник этой лаборатории. Мы изучаем реакцию психики на необычное. – продолжал Игорь, проходя через лес стеклянных трубок в штативах. – На особые раздражители или сочетания раздражителей, которые практически не встречаются в жизни.

По трубкам в неведомые глубины стекала все та же синяя жидкость.

– Какой же тогда в этом практический смысл? – удивилась Инна.

Она себя почувствовала значительно лучше. В голове прояснилось. Даже наоборот, стало как-то особенно ясно. Казалось, что она вот-вот поймет что-то самое главное или совершит великое научное открытие.

– Огромный. – приветливо улыбнулся Игорь. – Представьте себе, к примеру, первобытного человека. Его психика была прекрасно приспособлена к раздражителям привычной окружающей среды, но если его привезти в современный город, то у него будут большие проблемы с психикой.

Лес трубок превратился в аллею, и подсвеченное снизу стекло играло, словно ледяные сосульки. Инна почувствовала, как усиливается напряжение внутри головы, через мозг побежали волны мягкой, даже приятной вибрации. Слова пролетали стайками черных букашек.

Инна сосредоточилась и уцепилась за последнюю, метавшуюся в голове фразу:

– Но ведь первобытных людей уже нет...

– Во-первых, есть. – возразил Игорь. – Тропическая Африка, Южная Америка. Пройдет всего несколько лет и им неминуемо придется столкнуться с напевающей цивилизацией. Что с ними будет? В какую именно сторону у них съедет крыша и как ее удержать на месте?

Игорь хохотнул и вышел из аллеи трубок в широкий зал, полный одинаковых станков, в которых были зажаты собаки. Овчарки, болонки, пинчеры, ротвейлеры. Из их голов и позвоночников торчали десятки электродов, провода соединялись жгутами и уползали по полу неизвестно куда. Иногда жгуты проводов неприятно подергивались, будто вялые, но еще активные мышечные волокна. Зал терялся в перспективе, на полу желтели огромные надписи: «Зона стерильности.» Матовые окна от пола до потолка впускали потоки совершенно белого света, хотя Инна была уверена, что лаборатория находится ниже уровня земли.

Может за ними лампы?

Инна вдруг почувствовала непреодолимое желание подойти и погладить одну из собак, но никак не могла сделать первого шага. Хотелось безудержно, но в каком же месте можно погладить собаку, если она вся утыкана проводами, толщиной в палец?

Игорь взглянул на оторопевших девушек и пояснил:

– Это отдел экстремальной зоопсихологии. На примере животных мы изучаем основные реакции низшего порядка.

Инна все же сделала шаг и в нос ударила вонь раздавленного собачьего дерьма, свалывшейся шерсти и кислый запах пропавшей овсянки. Гладить собак расхотелось тут же.

Они лежали в станках неподвижно, как статуи, глаза открыты.

– Им не больно? – спросила Инна.

– Нет. – равнодушно отмахнулся Игорь. – Сейчас у них стадия гипнотического ступора.

Почему «сейчас» и что будет «потом» она уточнять не стала.

– Значит вся эта лаборатория работает только на папуасов? – удивилась Светка.

– Нет, конечно. – Игорь снисходительно улыбнулся и повел дальше. – Первобытные племена я упомянул для примера. На самом деле скорость развития цивилизации такова, что мы сами, как те первобытные, не успеваем адаптироваться к изменяющейся обстановке. Количество психозов постоянно растет, особенно в больших городах. вспомните, каким был телевизор или магнитофон всего двадцать лет назад, какими были машины, компьютеры – все изменилось. Другими стали скорости, расстояния...

Он свернул направо. Стеклопанная дверь с надписью «Отдел разночастотных колебаний» бесшумно уползла вбок. В полутьме раздражающим ритмом мигала красная лампа.

– Другими стали психологические нагрузки, – на ходу продолжал Игорь. – Поэтому стали другими и межличностные отношения, и отношения личности с окружающей средой, например с городом.

Круглый зал, в который они вошли, терялся где-то в вышине – потолка не видно. Свет узко лился из укрепленных на стене светильников, оставляя в помещении таинственный полумрак. Сверху текла вода, одни струйки состояли из частых капель, другие из более редких, но всего их тут было несчетное количество. Вода пела девятью музыкальными интервалами, одни сочетались приятно, другие резали слух. В центре зала виднелась неясная фигура, скрытая полутьмой, и только подойдя ближе, девушки разглядели сидящего в кресле человека. На нем была полосатая роба с нашитой на груди красной мишенью и шестизначным номером.

– Здесь мы проводим эксперименты по воздействию на психику различных частот. – кивнул Игорь. – Это заключенный, приговоренный к смерти. Нам выписывают таких для научных целей.

Заключенный открыл глаза, упершись в девушек невидящим взглядом. Точнее он видел что-то – зрачки бегали, но это было никак не связано с окружающей реальностью. Он снова опустил веки.

Инна вдруг почувствовала, что это не он, а она сидит в кресле и вокруг ничего нет – ни стен, ни светильника, вообще ничего. Полная пустота. Девушка вздрогнула, когда услышала голос Игоря.

– Современное оборудование постоянно излучает звук, свет и другие волны. – охотно объяснял он. – Нам важно понять воздействие самих излучений и частотных интервалов на психику. Конечная цель – свести на нет вредное воздействие, путем взаимопоглощения различных частот.

Инна украдкой почесала переносицу и моргнула несколько раз. Ничего не изменилось. Потом, для верности, сама себя ущипнула за бок. Больно.

– А зачем мишень у него на груди? – она внимательней оглядела ээка.

– Это внутренняя форма для испытуемых. – отмахнулся Игорь.

Где-то, на границе слуха, зазвучал орган. Заключенный снова открыл глаза. Только теперь Инна заметила, что на кронштейне над его головой укреплена видеокамера, направленная в лицо.

– Пойдемте. – сказал Игорь.

Они вышли в ту же дверь, в которую вошли, но никаких станков с собаками в длинном зале уже не было. Не было и проводов. Зато буквально все было заставлено клетками. В некоторых сидели обезьяны, но большинство были пусты.

– Тут мы уже были... – Игорь ускорил шаг.

Инна глядела на обезьян расширенными глазами. Сутулый шимпанзе рисовал каракули на белом листе бумаги, потом вставал, аккуратно прикреплял магнитиком к прутьям клетки, возвращался, ставил крестик на грифельной доске и брал новый лист. В соседней клетке две обезьяны в наушниках били в четыре руки по беззвучным клавишам пианино.

Галерея клеток тянулась бесконечно.

Дальше четверо обезьян пилили дрова огромной двуручной пилой, а рыжий орангутанг откалывал топором щепы и при этом попыхивал коротенькой трубочкой. Увидев Инну, он ожил и подмигнул левым глазом. Инна отвернулась. В соседней клетке здоровенная горилла висела, ухватившись рукой за перекладину и в задумчивости тыкала пальцем ноги в клавиатуру компьютера.

Надписи «Зона стерильности» куда-то пропали, теперь под ногами тянулась желтая полоса с красными буквами «Отдел сна, отдел сна, отдел сна...»

Инна тряхнула головой. Светка через плечо пялилась на обезьян.

– В цирке бы они бабла накосили... – шепнула она.

Инна поморщилась, незаметно отошла от подруги в сторону.

– А вот наш «Отдел сна». – Игорь открыл крышку люка в полу. – Спускайтесь.

Он пропустил девушек вперед и слез следом. Грохот железных ступеней еще долго гудел в голове.

Комната внизу больше всего походила на палату в больнице. На десяти койках спали совершенно голые мужики. На головах – шлемы, на ногах и груди – присоски с проводами. На запястьях каждого испытуемого виднелся вытатуированный шестизначный номер.

– Забавно... – протянула Светка, разглядывая детали.

Инна покраснела, но старалась не отворачиваться. Психолог – тот же врач. Чего стесняться-то?

– Город активно воздействует на психику людей. – продолжил Игорь. – Нам важно знать, как это отражается на функциях сна. Например, мало кто представляет, насколько много автомобильных аварий случается по вине заснувших водителей. Параллельно мы заметили некоторые, пока не объясненные, процессы, происходящие во сне.

Игорь зевнул и открыл боковую дверь, за которой тянулся длинный, подобный тюремному, коридор, освещенный зарешеченными лампами. В стенах глухие двери с глазками, возле каждой пластиковая табличка с шестизначным номером и черный маркер в специальном зажиме.

– А здесь у нас стоят сурдокамеры. – вальяжно пояснил Игорь и начал заглядывать в глазки. – Тут особые условия. Полная изоляция. За эти двери не проникает ни звук, ни свет. Даже вибрация гасится специальным устройством. Температура тоже не изменяется. Здесь мы изучаем реакцию психики на длительную изоляцию. Нашими данными пользуются даже некоторые космические проекты. Уникальные данные.

Он заглянул в следующий глазок, вздохнул. Потом вынул из зажима маркер и написал на табличке единственное слово: «Ушел».

– Умер? – не сдержала вопрос Инна.

– Нет. Просто ушел. Посмотри, если хочешь.

Она заглянула в глазок. Койка, стол, один стул, огромное зеркало. Камера была совершенно пуста.

– Как это? – не поняла Светка и тоже прильнула к глазку.

– А вот это мы как раз и изучаем. Просто иногда люди попросту исчезают из закрытых камер, обычно во сне.

– Гонишь. – улыбнулась Светка.

– Гоню. – рассмеялся Игорь, и его глаза снова холодно сверкнули.

Инна коснулась стены. Твердая и совсем настоящая.

– Будете хорошо учиться... – начал Игорь, но не договорил.

В конце коридора открылась дверь. Вошедший мужчина лет пятидесяти тоже был очень худым, даже тощим и совершенно лысым. Под воротником белого халата чуть виднелся черный воротник-стоечка.

– О! А это наш профессор. – радостно объявил Игорь. – Здравствуйте, Эрик Рихтерович. А мы уже все!

Профессор кивнул и тоже улыбнулся какой-то странноватой улыбкой.

– Экскурсантки? – коротко спросил он, сверкнув внимательными глазами.

– Да. – робко ответила Инна и почувствовала, как по спине побежали мурашки.

– Почему так мало? – не то недовольно, не то обиженно спросил он, продолжая улыбаться.

– Отсеялись. – вздохнул Игорь и развел руками.

Повисла неловкая тишина. Профессор молча разглядывал студенток, думая о чем-то своем и облизывая яркие сочные губы. Светка поправила волосы и беспокойно оглянулась.

– У вас тут странно. – зачем-то сказала Инна, вытирая взмокшие ладони носовым платком. – Но интересно. Много вопросов...

Эрик Рихтерович задержал на ней взгляд, потом медленно оглядел сверху вниз. Таким взглядом осматривают товар в магазине. Инна замолчала. Улыбка покинула лицо профессора. Глаза словно буравчики впились в кожу, Инне показалось, что она чувствует физически, как его взгляд ползет по телу. Она съежилась, но ничего страшного не произошло; ни слова не говоря, Эрик Рихтерович прошел мимо девушек и скрылся за дальней дверью.

Щелкнул замок.

– В общем я вам все показал. – торопливо сказал Игорь и легонько подтолкнул девушек. – Выход здесь.

Он открыл дверь, в которую заходил профессор, и за ней неожиданно оказался все тот же дворик – с одной стороны милиция, с другой детский сад...

Игорь выпихнул опешивших студенток наружу.

Дверь лаборатории захлопнулась за ними с таким обыденным скрипом, точно калитка в покосившейся изгороди. Но именно это обыденность окончательно запутала Инну. Она почувствовала головокружение и схватилась за ствол огромного тополя, чтобы не упасть.

Шум улицы послышался не сразу, а с задержкой, будто его включили огромным рубильником. За приоткрытыми воротами прополз трамвай, потом проехала машина, за ней еще одна.

– Ничего себе так... – вздохнула Светка. – Но второй раз я бы не пошла. Только обезьянки прикольные. И травка у Игоря – супер! Сразу видно, человек понимает. Деньжата наверное водятся. Такую траву где попало не возьмешь.

– Он ужасный! – Инна передернула плечами.

– Кто? – Светка сощурилась, прикрывая лицо от солнечных лучей. Пятнистая тень тополя рябила на асфальте, словно вода размывая происходящее.

– Профессор этот... Глаза прямо как черви. Так и сожрет кажется! Бр!

– А по-моему так очень даже ничего. Хотя староват... Ты внушаемая трусиха. Тебе нужно развивать в себе здоровое легкомыслие. Нельзя же жить с таким уровнем тревожности. Ты,

кажется, веришь в бога? Вот и ложись на него, если веришь. Он сам как-нибудь все устроит. А ты получай удовольствие. От всего. От секса, от музыки, от травки... Жизнь – для кайфа, а не для заморочек.

Инна не ответила.

Они вышли на тротуар восьмой линии через арку ворот. Здесь, на улице, звуки городской суеты были так отчетливы, что странности лаборатории быстро стирались из памяти, и обыденность жизни отодвигала их все дальше. В самый дальний чуланчик мозга, где валяется на всякий случай все непонятое или неосознанное. Подумаешь, сурдокамеры... Где-то, по телику кажется, о них уже говорили.

– Как много непонятного... – Инна задумалась. – Слушай, а почему не пришли остальные?

– Забили. – отмахнулась Светка. – Одни мы с тобой правильные, повелись на эту фигню. А люди, наверное оттягиваются. Погода-то какая! А! Пойдем в кафе? Честно говоря, я бы пивка выпила после этой экскурсии.

– Нет, ты же знаешь... – вздохнула Инна. – У меня папан с прибабахами, а я ужин еще не сготовила. Станет опять бурчать. А если запах пива почувствует... У-у-у!

– Не пойму... – Светка щелкнула сумочкой и посмотрела в черкальце. – На фига ты с ним возишься? Давно бы сняла квартиру и помахала бы ручкой. Он же тебя использует, как домохозяйку. Я бы взбесилась.

– У меня денег не хватит. – грустно вздохнула Инна. – Он это прекрасно понимает, вот и пользуется.

– Ты нормальная? – Светка не спеша пошла по улице. – Сейчас он тебя по дому припахивает, завтра захочет с тобой потрахаться...

– Дура. Это же отец. – возмутилась Инна. – Был бы отчим, я бы уже намылила лыжи в Сургут.

– Да уж прямо... – скривилась Светка. – Отцы тоже знаешь какие бывают? А твой еще с грузинской примесью. Он же тебя тринадцать лет не видел! Я бы при таких раскладах устроилась на какую-нибудь работу, да хоть в «Макдональдс», и сдриснула. Можно ведь, на худой конец, снять комнату, а не квартиру. Или найти парня, у которого сможешь поселиться. Парень – это нормально...

– Я так не могу. – вздохнула Инна. – Это уже проституция.

– Да ну тебя... Тогда все женщины – проститутки. Одни замуж, другие на панель.

– Перебор. – покачала головой Инна.

– О-о-о... Можешь не продолжать. Я это слышала раз триста. Как хочешь, можешь остаться со своим стариком, а я пойду в кафе.

– Ладно. – Инна попробовала улыбнуться. – Я действительно побегу. Встретимся завтра. Она помахала Светке и поспешила к трамвайной остановке.

– Стоять! – вдруг раздался за спиной истошный мужской голос. – Руки за голову!

Инна замерла посреди тротуара и медленно подчинилась.

Шедшие навстречу прохожие заулыбались, один парень даже приснул смешком. Инна нахмурилась и осторожно повернула голову.

Позади нее стоял лохматый мужик с водяным пистолетиком и грозно вращал глазами.

– Не двигаться! Убью.

Инне стало неловко. Она опустила руки и пошла дальше. В затылок упруго вонзилась теплая водяная струя.

– А-а-а-а! – заорал сумасшедший и бросился наутек. – Я убил человека! А-а-а-а!

Инна подняла плечи и ускорила шаг.

Шею она вытерла только в трамвае.

2.

Инна вошла домой и закрыла дверь. Разулась, скинула уличную одежду и надела домашние брюки с футболкой. Надо приготовить ужин до прихода отца, а то придет и снова устроит бучу.

В голове было мутновато, давило затылок. Дурацкий сумасшедший. Отчего же их так много в этом городе? Может поспать? Если часик, то ничего не изменится. Инна легла на диван и укрылась пледом.

Свет дня бил в окно и мешал расслабиться, процеживаясь даже через закрытые веки. Инна перевернулась на бок.

Разум никак не желал перейти границу бодрствования, в мозгу стали рисоваться причудливые картинки.

Замерший город. Замерли люди, машины, трамваи, голуби в небе, кошка в прыжке. Инна бежит через город и он оживает всей своей сущностью – окна домов превращаются в сотни глаз, двери подъездов в черные пасти. Решетки в зубы, ветви деревьев в цепкие руки.

Откуда-то звон курантов и голос:

– Город активно воздействует на психику... Активно... Этот город активно... Активный...

Страшно.

Цокот копыт. Дробь. Целый табун лошадей по проспекту. Это все, что движется. И еще она сама.

Но лошади, это не просто лошади, а ожившие статуи. По тротуарам скакали лошади с Аничкиного моста, рядом с ними даже бежали бронзовые круглозадые мальчики, держа коней в поводу. Петр I во главе кавалькады гордо скакуна, кони с Манежа скакали по бокам почетным эскортом. И еще десяток оживших статуй следом.

Посреди дороги непонятно откуда взялся лысый профессор в белом халате. Он вытянул руку, превратив асфальт в воду, и лошади стали тонуть. Одна за одной, поднимая к ускользающему небу перепуганные морды. Последней скрылась треуголка Петра.

Но цокот не прекращается.

Инна вздрогнула и открыла глаза.

В приоткрытую форточку ветер. Мягко колышется светлая ткань занавесок. Цокот. В порту работает какой-то шумный мотор, но в памяти потонут лошади.

Инна откинула плед и пошла в туалет. В прихожей вступила в огромную лужу воды. Ужаснулась, что утром забыла закрыть краны в ванной. Открыла дверь, за ней до самого горизонта тянулось мелкое, по щиколотку, море. Хмурое, стоячее, без всякого намека на ветер. Она обернулась, но позади тоже простиралась бесконечная водная гладь. Вода была тяжелой, мешала идти и непонятно было куда идти – только вода, ни берега, ни островка.

Инна проснулась во второй раз. Поправила плед, прикрыв оголившиеся ступни.

Зазвонил телефон. Она сонно потянулась к трубке на тумбочке.

– Да. Свет, это ты? Ну ты и напилась, еле языком ворочаешь. Нет, я же сказала, мне надо быть дома, ужин готовить. Нет, не пойду. Все.

Она положила трубку на место. В порту было странно тихо. Огромные краны беззвучно поворачивались на фоне светлого неба.

Вдруг рядом послышался непонятный звук, нос уловил запах трубочного табака. Инна повернула голову и увидела огромную клетку с орангутангом. Орангутанг вертел в руках сверкающий топорик и попыхивал трубкой. Заметив внимание Инны, он подмигнул левым глазом и сказал голосом отца:

– Спишь? А ты ужин стоговила, сучка?

Инна вскрикнула и проснулась.

В комнате действительно вился табачный дым, значит отец уже дома – пришел раньше обычного.

Вообще-то отец курил мало. Значит снова случилось что-то неприятное. Инна тихонько встала с кровати.

– Па, привет! – она заглянула на кухню. – Ты давно дома?

Отец хмуро поднял взгляд. В пепельнице четыре окурка. Пятый, еще дымящийся, торчал между пальцев.

– Привет. – глухо прозвучал голос отца. – Тебе что, трудно было с утра позаботиться об ужине?

Инна вошла и тоже села за стол.

– Па... Ну чего ты наезжаешь с порога? Я упахалась в институте, прилегла на часок..

По спине пробежал холодок – от отца сильно пахло спиртным.

Он так ухнул кулаком по столу, что высокий стакан подпрыгнул и завалился на бок. Покатился, оставляя коньячный след.

Из мусорного ведра угрожающе торчало горлышко пустой бутылки.

– Упахалась?! – буквально взревел отец. – Ты, девочка, совсем нюх потеряла! Я что, плохо тебя содержу? Только за институт сто баксов в месяц. А тебе в падлу ужин сготовить?

Он отдышался и добавил немного спокойнее:

– Мне бы домохозяйка обошлась дешевле.

– Ну и нанял бы... – не подумав, ответила Инна.

Он коротко, без размаха ударил ее по щеке.

– Сучка... – процедил сквозь зубы. – Охреневшая, зажавшаяся сучка. Все из под палки. Я тебе что, не родной?

Инна молчала, из глаз потекли слезы. Всклипнула.

Он снова шибанул по столу, стакан свалился на пол.

– Отвечай, когда тебя спрашивают!

– Родной... – еле слышно ответила Инна.

Губы дрожали.

– Вот так-то! И не забывай, кто тебя кормит. Я жрать хочу, как из пулемета, а она выпендривается. Институт у нее. Надо еще подумать, нужна ли тебе учеба за такие деньги.

Он встал и ушел в комнату. Щелкнул компакт-проигрыватель и квартиру заполнил голос Михаила Круга. Отец всегда его слушал в плохом расположении духа. В последнее время все чаще.

Инна достала из морозильной камеры курицу и бросила в раковину. Пустила воду. Сковороду на плиту, масло, овощи.

Она утерла рукавом слезы.

Этот шантаж повторялся не в первый раз. Каждый раз угроза прекратить оплату за институт. И ничего не сделаешь. Ничего. Уехать обратно к маме? Позор – собаки дворовые засмеют. Да и учеба Инне нравилась, она помогала понять многие необъяснимые вещи, и они переставали пугать. Плюс перспективы. В Питере все-таки жизнь, а в Сургуте в нотариальной конторе на ксероксе. От звонка до звонка. Раньше казалось нормальным, но сейчас даже вспоминать не хочется.

Да и отец не всегда такой. Только когда с делами неважно. И когда выпьет.

Инна взяла нож и стала разделять курицу. Руки скользили и мерзли, слезы капали все чаще.

Порезалась.

Было похоже – сильно.

Она несколько раз лизнула ранку и пошла в комнату, перевязать палец. Михаил Круг густо звучал в колонках.

– Ну что? – пьяно покосился отец.

– Палец порезала.

– Дура. С простейшей работой не можешь справиться... А туда же – учиться.

Инна одной рукой вынула из ящика бинт.

– Па... – наконец вспыхнула она. – Я тебя не просила меня сюда привозить. Ты сам позвал меня. И хватит кричать.

Она затянула концы бинта зубами:

– Я тебе не жена.

Он схватил ее за воротник так быстро, что Инна не успела испугаться. Почувствовала только удар головой о стену. Искры из глаз.

– Па! – испуганно выкрикнула она и тут же получила кулаком в подбородок.

Инна даже не сразу поняла, что лежит на ковре. Отец нависал над ней какой-то размытой тенью.

– Не жена? – прошипел он. – Я же говорю – сучка. Одно на уме. Думаешь, я хочу тебя трахнуть? Помечтай!

Инна попробовала подняться.

– Лежать! – тихо, но грозно предупредил отец. – Будешь делать то, что я скажу.

Он встал и уселся в кресло. Покосился – лежит или нет?

Инна лежала смиренно, заливаясь слезами. Старалась громко не всхлипывать, не злить.

Он откинулся на спинку и закурил еще одну сигарету.

– Я тебе поясню. – сказал уже нормальным тоном. – У меня на фирме полная жопа... Я Эдику задолжал сто пятьдесят тысяч. Ты видела когда-нибудь такие деньги?

Инна старалась лежать как можно более тихо.

– А. То-то! – глубоко затаился он. – Откуда тебе их видеть? В долг мне столько никто не даст. Но тебе повезло. Эдик к тебе хорошо относится. Эдика помнишь? Который на дне рождения к тебе подъезжал? Ладно, вставай.

Инна кивнула. Прекрасно помнила этого оборзевшего бандюка с искусственными зубами. Она села на ковре и вытерла слезы.

Отец посмотрел на нее совершенно бычьим взглядом:

– Ты станешь богатой, а я выберусь из этой задницы. Завтра пойдете подавать заявление.

– Что? – у Инны еще гудело в голове и она не поверила тому, что услышала.

– Жениться, дура! Ты же хотела стать женой?

– Нет! Па, не надо! Ничего я не хотела! Не надо! – она напряглась, готовая вскочить и броситься к выходу. – Не надо, папа, мной рассчитывать за свои трудности!

Договорить не успела – отец прыгнул на нее, как оборотень в фильмах ужасов.

Инна чудом успела стать на четвереньки и броситься к прихожей. Отец крепко ухватил ее за лодыжку.

– Бежать? – проревел он. – Убью!

Инна лягнула его прямо в лицо и вырвалась в прихожую. До двери метра два. Не успела. Отец, словно медвежьей лапой, сбил в сторону кухни и она упала, поползла, уже совершенно не соображая, что делает. Только одна мысль – уйти от ударов.

На кухне к табачному дыму добавился угар от пригоревших к сковородке овощей. Инна рванулась, пытаясь схватить сковороду, зацепила ручку и грохнулась на пол под новым ударом. Овощи посыпались на спину вместе с каплями раскаленного масла. Но кричать уже не было сил. Сковорода зашипела возле самой руки. Инна попыталась подняться – еще удар. Она сквозь жуткую боль почувствовала, что отец всем телом прижал ее к полу.

Еще раз рванулась – без результата. Голова уперлась в мусорное ведро. Рука сама потянулась вверх, ухватила горлышко бутылки и...

Инна услышала только звон стекла – вообще ничего не почувствовала. Отец свалился с нее на бок и сразу обмяк.

Отдыхалась, чувствуя на лице неприятную липкость. С волос отца густо капала кровь. Инна встала.

Умыла лицо, оставляя алые разводы на раковине.

Перешагнуть через лежащего не смогла, прошла вдоль стенки, прижавшись обожженной спиной. Больше всего боялась, что отец встанет.

Двор словно ждал ее из подъезда, встретил близким уличным шумом и далекими криками чаек. В глазах все размывалось, плыло. Еле успевая смахивать слезы, Инна выскочила на улицу.

Прохожие – сплошная река. Инна почувствовала, что плывет против течения.

Люди, люди... Инна давилась слезами.

Одетая кое-как, наспех, она больше всего хотела остаться одна.

Люди, люди...

Мамочка родная, что ж я наделала...

Надо было хотя бы скорую... Или милицию.

Поздно.

Сбежала, бросила. Бросилась.

Что ж теперь делать?!

Дворы, дворы. Подальше от людей.

Плечи содрогались нервной дрожью и плачем.

Спрятаться...

Инна ворвалась в длинную, залитую лужами арку, и побежала, расплескивая эхо подошвами. Прорвалась сквозь скрученное в кирпичный рулон пространство, выскочила, споткнулась. Снова бегом.

Гулкий колодец двора навис отсыревшими стенами, а над ним небо линялым флагом. Инна пробежала насквозь, потом куда-то свернула, потом вдоль стены. Чуть не свалила рекламную стойку с корявой надписью «Резка зеркал и стекла».

Выскочила на дорогу и сразу на нее загудели, завизжали тормозами, заругались грязно и с удовольствием.

Бежать дальше.

Все мелькало и, не задерживаясь, убегало назад. Серые стены, решетки из чугуна, ступеньки, канавы, бордюры, скамейки, цепи, шары из гранита, трамваи, каменные копыта коней. Больше всего на свете Инна хотела сейчас убежать в такую даль, где ее не найдет ни один человек. Но она устала и ноги не несли больше, спотыкались даже на ровном месте.

Куда же спрятаться? Куда?!

Она вбежала в узкую арку, манившую откровенным безлюдьем, потом в следующую, а за ней оказалась целая цепь из арок, словно Инна попала в зеркальный коридор. Три, четыре, пять...

Девушка зажмурилась и выскочила на открытое пространство.

Ветки в лицо. Хлестко.

Бежать, бежать, бежать...

Упала.

В ушах медленно утихал рокот крови.

Под пальцами гравий. Горстью.

У самой земли стелился медленный, низкий запах цветов. Инна не видела, но ощущала, как высоко над ветвями проплывают белоснежные облака, а по земле трепещут тени от листьев.

Она лежала на усыпанной гравием круглой площадке в самом сердце какого-то парка или даже леса – такой он был старый и неухоженный. Светлые дорожки разбегались от нее во все стороны, как лучи паутины и в центре она сама, словно пойманная в эту неосязаемую сеть.

Застрекотали кузнечики.

Инна была одна. Кроме нее ни души – только птицы на ветках. Вороны.

– Что же делать... – в голос сказала она. – Господи, что же мне теперь делать?

Она встала и не отряхиваясь побрела по одной из дорожек. Вороны поворачивали головы, как автоматы слежения. Механизмы.

Парк безмолвно уползал за спину, свет солнца пятнами плыл под ногами. Геометрия одиночества.

Инна остановилась.

– Mamочка, милая, зачем же я тебя не послушалась?

Она опустила на колени и закрыла лицо ладонями.

– Господи, сделай так, чтоб все это было во сне. Господи...

Она подняла лицо к небу. Там плыли очень медленные облака и светило яркое солнце.

Давно, в далеком-далеком детстве, все было другим, но облака были точно такими же. Мягкими и плотными. Казалось, что на них можно лежать, как на бабушкиной перине, и забраться туда было бы лучшим на свете решением жизненных неурядиц.

... Летом Инна уезжала в деревню к бабушке, где можно было целый день ничего не делать, а только лежать на траве и смотреть в облака. Мама отпускала ее охотно, оставаясь в городе по своим непонятным взрослым делам.

Дядя Миша заезжал за ней рано утром на своем стареньком «Москвичонке» и они долго-долго ехали по разным дорогам, через мосты, через железнодорожные переезды, подолгу ожидая, когда пройдет длинный, перемазанный в мазуте товарняк.

Они ехали по асфальту и дядя Миша специально набирал скорость, чтобы на неровностях дороги в животе щекотало от ощущения полета. Они ехали по беконечным проселкам и тогда Инна забиралась на заднее сиденье с ногами, глядя, как позади вихрится длинный-предлинный шлейф пыли. Потом она уставала и ложилась на том же сиденье. С закрытыми глазами она представляла, будто не едет, а летит в самолете выше всех облаков.

Они ехали через леса, от которых постепенно оставались узкие лесополосы, а потом ехали через степь, по которой катились широкие волны колеблющейся от ветра травы. Инна открывала окно, высовывала голову наружу и хохотала в восторге от скорости, лета и приближающегося счастья. Она захлебывалась ветром и никто не бурчал, что она простудится. Может именно поэтому она никогда не простужалась в дороге, хотя дома даже неосторожный сквозняк нередко укладывал ее под пропахшее микстурой одеяло. В такие дни мама становилась рядом с кроватью и что-то долго невнятно шептала, отчего сразу делалось легче – и температура спадала, и голова переставала болеть.

Вечером солнце садилось в степь. Дядя Миша всегда съезжал с дороги подальше, останавливал «Москвичок» и выводил Инну под алое небо.

– Раньше люди думали, – говорил он. – Что солнце, это бог.

А оно уже прижималось к земле, огромное, красное, чуть сплюснутое и трава от него была красной, и небо.

– Бог, не бог, а уважение к нему надо иметь. – добавлял дядя Миша. – От него все добро в мире – и свет, и тепло. Давай его проводим.

Инна не возражала.

Они стояли взявшись за руки и ждали, когда от солнца останется сначала три четверти, потом половинка, и совсем скоро четвертушка. Молчали, а ветер все крепче дул в спину, щелкая краями голубого ситцевого платья.

– Куда уходит солнце? – однажды спросила Инна, вдыхая пряный аромат трав. – Мама говорит, что оно просто крутится вокруг Земли. Это правда?

– Для тех, кто не верит в чудеса – правда. – ответил он. – Но не надо отказываться от чудес раньше времени.

– А если по-чудесному, что с ним становится там, за краем?

– Оно уходит в страну, где раньше жили все люди, а теперь только птицы и звери. Там оно отдыхает и набирается сил, потому что это страна счастья.

– Я знаю. Иркина бабушка называет эту страну «рай». Там раньше жили люди, а потом они осрамились и Бог их выгнал оттуда. Бог это злой волшебник?

– Нет, он добрый. Вряд ли он мог их выгнать, скорее это сделал кто-то другой.

– Злой волшебник?

– Да. Только я не знаю, как его звать.

– А если бы знал, ты б его победил?

– Разорвал бы на части! – рассмеялся дядя Миша.

– Значит ты, такой взрослый, все еще веришь в сказки?

– Знаешь, очень многие взрослые верят в сказки и от этого их жизнь вовсе не становится хуже. Только лучше.

– Почему?

– Потому что всегда бывает то, во что веришь.

Солнце село за край земли, оставив в небе полыхающий хвост заката.

– Пойдем. – сказал дядя Миша. – Надо еще палатку поставить.

Инна очень любила ночевать в палатке – маленький брезентовый домик почему-то вызывал у нее ни с чем не сравнимое чувство защищенности и уюта. А за мягкими стенами в темноте страшно вскрикивали ночные птицы, и трава шуршала, будто вокруг ходил великан.

Иногда любопытство пересиливало страх темноты и тогда Инна по плечи высовывалась наружу, глядя, как в черноте неба расцветают огромные звезды, каких никогда не было в городе.

Утром они шли умываться к озеру. Было прохладно, а над водой висело плотное покрывало тумана. На глинистом берегу рос камыш, а чуть дальше от воды густые заросли болиголова.

– Хочешь сделаю тебе дудочку? – улыбнулся дядя Миша.

– Хочу! – Инна даже в ладоши захлопала от радости.

Дядя Миша срезал стебель складным ножом, затем отмерил нужную длину и снова обрезал.

– Пусть чуть просохнет пока завтрак готовится. Сделаю до отъезда.

Вода за ночь остыла и приятно холодила лицо. Сквозь нее было видно плоские, чуть поросшие бархатной зеленью камушки. Еще Инна заметила стайку мальков, но они испугались и уплыли, когда она зачерпнула воду рукой.

Костер дядя Миша разводить не любил. У него для стряпни был специальный бронзовый примус, на который он ставил маленькую, почти игрушечную сковородку. Примус свистел и фыркал, а в сковородке грелся извлеченный из банок «Завтрак туриста». Инна говорила на него «ужасная смесь».

Дядя Миша сделал дудочку в срок, как и обещал – он всегда выполнял свои обещания. Всегда-всегда.

– Она волшебная. – подмигнул он, протягивая игрушку.

– Не бывает. – отмахнулась Инна.

– А ты попробуй, подуй.

Она дунула, но звука не вышло.

– Сильнее! – рассмеялся дядя Миша.

Инна дунула сильнее и дудочка выдала длинный, очень чистый звук.

– Здоровско! – у Инны от счастья заблестели глаза.

– Видишь, тут девять дырочек. – показал он. – Если их по-разному прижимать, то получаются разные ноты. Можно сыграть любую музыку. Давай, покажу.

Он взял дудочку и без запинки сыграл «В траве сидел кузнечик». Инне это показалось очень сложным занятием.

– Научишься. – пообещал он.

Инна поверила, ведь обещания дяди Миши всегда выполнялись. К тому же он явно лучше всех разбирался в дудочках.

– А вот китайская музыка. – улыбнулся он, и сыграл настоящий китайский мотивчик, поочередно отпуская и прижимая пальцы.

– А в чем же волшебство? – спросила Инна, принимая игрушку обратно.

– Это твой ключик в волшебный мир. – объяснил дядя Миша. – Ведь любому человеку порой бывает очень плохо, до слез. Кто-то обидит, или что-то пойдет не так. Если с тобой такое случится, выйди из дома и найди место, где можешь остаться одна. Сядь и просто играй на дудочке, пока тебе не станет легко.

– А станет?

– Станет обязательно, я тебе обещаю. Придет добрый волшебник Ветер и унесет все твои печали так далеко, что они никогда до тебя не доберутся. Ветер всегда приходит на зов дудочки.

– Почему?

– Потому что звук в дудочке рожден ветром. Тем, который ты выдуваешь. Только ты ее не теряй, она тебе точно поможет.

Он не обманул, как всегда. Конечно, ведь когда-то дядя Миша был моряком, а кто лучше моряков может знать о ветре?

Тем летом Инна часто играла на дудочке. Наверное оно было последним летом ее детства, а это всегда чувствуется и всегда вызывает грусть. Она играла, когда ее предал Малька и когда Вадик забрал ее велосипед и разбил, специально врезавшись в дерево. Она забиралась на крышу дедовского дома и играла, глядя, как плывут в небесах облака. Она играла, когда Олька со злости вылила ей на платье целую банку краски и особенно долго играла, когда дядя Миша умер от страшной болезни, название которой бабушка даже боялась произносить.

Только Инна знала, что он не умер по-настоящему. Ведь он знал, наверняка знал, для чего делал дудочку, он знал, что не умрет, а просто станет ветром, тем самым волшебником, который всегда и от всех ее защитит.

Он ведь всегда выполнял обещания...

Инна стояла на коленях и плакала.

– Помоги мне, Господи! Я сделаю все, что ты только попросишь! – шептала она. – Только дай знак. Сделай так, чтобы все обошлось.

И тут она поняла, что молится в пустоту. Никогда раньше она не чувствовала этого столь остро и никогда это не вызывало такого отчаяния.

– Господи... – бесполезное слово замерло на губах.

Мама говорила, что в молитве главное – искренность. Сейчас Инна была искренней, как никогда, но это ничего не меняло. В вышине по-прежнему плыли облака, медленно вычищая голубое стекло небес, по-прежнему шумели деревья и вороны хмуро сидели на ветках. Беспощадный господь не откликнулся на ее жалобный плач.

Хотелось чуда, настоящего чуда, как в сказке, как в детстве, но чудеса кончились в тот день, когда Тамара Васильевна сломала волшебную дудочку. Инна верила, что дяди Мишин подарок приносил удачу, поэтому часто брала с собой в школу, но один раз Валерка с соседней парты забрал игрушку и стал дудеть на уроке. Инна могла бы сказать, что дудочка ее, тогда

бы ее отругали, даже скорее всего вызвали маму в школу, зато дудочку бы отдали. Но Инна побоялась и смолчала, а Тамара Васильевна разозлилась, переломила тростинку и выбросила в окно.

Потом Инна плакала по ночам, представляя, как могла бы встать и признаться, но вернуть ничего уже было нельзя. Она даже болела несколько дней. Тогда мама рассказала ей о Боге, который помогает всем без всяких там дудочек, главное лишь верить в него и выполнять несложные правила. Инна поверила, но сейчас поняла – что-то фальшивое было в этой вере, что-то слишком легкое, а потому изначально неискреннее. Словно она пыталась просто купить чудо за веру и те самые несложные правила.

А ведь в детстве, на крыше дедушкиного сарая все было иначе. На дудочке нельзя было *просто* играть, нельзя было лишь дуть и тупо переставлять пальцы. Нужно было раствориться в целом мире, стать им полностью – целым, огромным, пронизанным ветром, и тогда он давал то, чего не хватало маленькой девочке: надежду, светлую капельку понимания в грусть, и радость будущих взлетов.

– Я больше никогда никого не предаю. – отчетливо шепнула Инна.

Воздух ожил, зашуршали листья, по коже пробежал ласковый холодок. Ветер напрягся и дунул сильнее, как в детстве, когда Инна сидела и играла на дудочке.

Вороны хрипло закаркали и тяжело хлопая крыльями взвились в пронизанное солнцем небо. Инна обернулась.

По аллее прямо к ней шел молодой человек. Ворот светлой рубашки распахнулся навстречу ветру, темные волосы развевались густыми прядями. Казалось, что ветер, как пушистый котенок, бежит у его ног.

Он был точно как дядя Миша – похож удивительно, только моложе, чем Инна помнила дядю.

Сердце застучало от необъяснимого предчувствия, мир в глазах на секунду померк и, когда она открыла глаза, незнакомец уже держал ее за руку.

– Что случилось? – осторожно спросил он. – Ты плачешь..

– Мне плохо... – честно призналась Инна.

– Я не знаю. Что с тобой случилось, но я хочу тебе помочь. – задумчиво сказал молодой человек. – Меня зовут Сергей. Пойдем ко мне. Место найдется.

Инна оперлась на его руку и встала, убрав с лица непослушную прядь. Ветер не переставал резвиться.

Она сомневалась лишь пару секунд.

– Ты правда хочешь помочь? Просто так?

Сергей кивнул. Листья шумела над головой, как море.

– Тогда пойдем. – решила Инна. – Если честно, я сегодня не в состоянии ничего решить, а завтра наверняка что-то придумаю. На одну ночь. Я свернусь где-нибудь в уголке...

– Нет проблем. – Сергей пошел вдоль клумбы, заросшей диким ковром цветов.

Ветер путался под ногами.

Новый знакомый повел по дорожке и они вышли в густую аллею – заросшую, древнюю и очень сырую. Неба не было видно за сплошной крышей листвы. Точнее ничего не было видно – темный коридор из стволов, ветвей и плюща. В конце неясно серел выход, и когда до него дошли, пришлось буквально протиснуться в узкую арку и сразу свернуть направо.

Шум улицы остро коснулся ушей.

Дом был чудноват, как и многие старые дома в Питере. Крышу его завершала большая мансарда.

– А вот там я и живу! – весело сказал Сергей.

– Прямо наверху?! – удивилась Инна. – Я давно мечтала побывать в такой квартире. Мне кажется там должно быть чудесно.

– Да. Тебе понравится.

Они долго поднимались по серой шахте лестницы, слушая, как гудит в ней сквозняк. И эхо повторяло шаги.

Квартира тоже встретила их сквозняком. Захлопала штора.

– Я не люблю закрывать окна. Зима для меня – мука. Зато, как только наступает весна – у меня все настез. Но если хочешь, я закрою.

– Нет-нет! – воскликнула Инна. – Мне нравится! Так похоже на дом ветра. Будто тут живет ветер.

Сергей улыбнулся:

– Может быть и так. Тапочки под вешалкой. – разуваясь, подсказал он.

Коридорчик прихожей продолжался и превращался в небольшую кухню. В открытую дверь была видна светлая комната с огромным почти во всю стену окном с балконом. Вернее из окна был выход прямо на крышу, на которой была небольшая площадка, похожая на балкон.

Пол в комнате был устлан квадратами тонких циновок – одна к одной, от плинтуса до плинтуса. В торцевой стене незаметно пристроился шкаф с раздвижными дверями. Белые стены создавали ощущение пространства, а размашистые картины без рамок изображали бамбук, журавлей и обезьян, которые ловят ниточки лунного света. Мебели почти не было, только стеллаж, уставленный деревянными статуэтками пляшущих стариков, и низенький столик с вазочкой посередине. Один диван. Тоже низкий, почти матрац.

Сергей заметил, что Инна беспокойно огляделась, и добавил:

– Ты не стесняйся меня. Ляжешь на диване, а я на полу перебыюсь. Мне не напряжно, я даже люблю спать на циновках.

На стене висел японский меч в черных матовых ножнах, оплетенная кожаным шнуром рукоять затерлась от частого хвата. Раньше Инна была уверена, что самурайские мечи изогнуты, как сабля, такими их показывали в кино. Изогнутыми и с круглой бронзовой гардой. Но у этого гарда была квадратной и черной, а сам он, судя по ножнам, прямой, словно шпага.

– Сейчас я включу тебе горячую воду. – сказал Сергей.

Инна смутилась.

Сергей зажег на кухне колонку и распахнул дверь в ванную, которая находилась в самом начале коридорчика. В темноте Инна не приметилась ее. Девушка зашла в ванную, глянула в зеркало. Да... Видок. Она долго плескала водой в лицо и терла припухшие веки. Изображение в зеркале улучшилось не на много. Открылась дверь, и рука Сергея закинула халат.

– Переоденься. Возьми пока это. – сказал он. – А потом я тебе подыщу что-нибудь из одежды. Штаны закинь в машинку, а футболку придется выбросить.

Инна с брезгливостью стянула с себя испачканную одежду и запоздало подумала – странно, что ее не задержали в таком виде. Она повернулась к зеркалу спиной – от брызг раскаленного масла осталось несколько ожогов. Белые кругляшки. Только сейчас стало больно.

– Есть хочешь? – донеслось из кухни.

– Нет, не беспокойся. – все еще робко отозвалась Инна, нырнула в халат и вышла в прихожую, держа скомканную футболку в руке.

– Врешь. – Сергей зажег газ и звякнул сковородой. – По глазам видно, что с утра ничего не ела. Никогда мне не ври. Это единственная плата за мою помощь. Если бы мне было напряжно, я бы не предложил.

– Договорились. – улыбнулась Инна, заметив, что хозяин успел переодеться в домашнее.

Теперь, ниже короткого рукава, на левой руке виднелись три длинных шрама со следами очень старых швов.

Сергей поймал ее взгляд, но ничего не сказал.

Увидев, что она все еще неловко держит грязную футболку, распахнул дверцу мусорки:

– Кидай свои улики.

Она села за стол и стала смотреть, как Сергей готовит. Поражала ловкость движений – ничего лишнего, все точно в цель. Он смешал яйца, муку, молоко, все это взбил и вылил на сковороду. Взял пучок зеленого лука и порубил его с невообразимой скоростью. Высыпал сверху.

– У тебя красивые руки. Ты гимнаст? – осторожно спросила Инна.

– Нет. Для того, чтоб правильно двигаться, не обязательно быть гимнастом. Надо правильно мыслить и правильно организовывать пространство вокруг себя. Кстати, одно от другого зависит.

– Странно... – удивилась Инна. – Такого я раньше не слышала.

– Не удивительно. Концепция старая. – Сергей взял сковороду за ручку и резким движением подбросил поджарившийся омлет в воздух. – Просто на Востоке ей уделяют больше внимания, а у нас мало кто принимает всерьез.

Омлет перевернулся и упал обратно на сковороду. Совершенно точно.

– Лихо... – улыбнулась Инна.

Рядом с этим странным парнем ей стремительно становилось легче, быстро пропало ощущение неотвратимой погони, захотелось залезть в ванну и окончательно отгородиться от всего мира шумом воды. Инна окончательно успокоилась. Правда, обожженная горячим маслом спина стала болеть сильнее. Но она ни за что не хотела показать этого, боясь, что сердобольный спаситель захочет помазать ее какой-нибудь мазью, и ей придется раздеться перед ним.

– Успеешь. – улыбнулся Сергей. – После еды.

– Что? – не поняла Инна.

– Помыться.

– А как ты узнал?

– У тебя на лице все написано, для этого даже не обязательно быть психологом. Все просто. – улыбнулся Сергей. – Ты посмотрела в сторону ванной.

– А... – Инна улыбнулась.

Она явственно осознала, что здесь ее никто не найдет и никто не обидит, по крайней мере в ближайшее время. В этой квартире все было непривычно, но ее почему-то охватило ощущение уюта и безопасности. После омлета был чай с пряниками. Инна поискала глазами что-нибудь, по чему можно было бы узнать – курит ли хозяин квартиры. Спросить почему-то стеснялась.

– Курить? – Сергей поднялся со стула и взял с плиты зажигалку.

– Да... – кивнула Инна.

Они прошли через комнату на балкон.

Внизу в неподвижности воздуха застыли липы. А наверху гулял теплый сильный ветер. От него становилось легко и радостно.

Сергей угостил Инну сигаретой и чиркнул зажигалкой.

– Странно, что ты куришь... – заметила она, выпуская дым.

– А что, я похож на аскета? – рассмеялся он. – Аскетизм, это лишь один из путей. Другой состоит в разумном ограничении желаний. Это просто.

Инна смущенно улыбнулась.

– Хочешь поговорить? – мягко спросил Сергей.

– Нет. Пока нет. Извини. – Инна опустила глаза. – Я еще никак в себя не приду... Мне так ужасно все вспоминать...

Инна курила медленно, ей нравился вкус дыма, смешанный с запахом моря и уснувших внизу во дворе лип. Сергей докурил до половины и бросил окурки в стеклянную баночку.

Дым унесло. Инна тоже затушила окурок и наконец-то добралась до ванной. Она поискала крючок или задвижку, чтобы закрыть дверь, но не нашла. Однако это не испугало ее, Инна была уверена, что Сергей не станет подглядывать.

Горячая вода больно щипнула обожженную спину, но Инна быстро привыкла не обращать внимания. Душ шумел, пена ласкала кожу. Инна еще раз намылила губку и принялась тщательно обтираться, стараясь смыть остатки происшедшего. Особенно отмывала руки, пока ладони не стали розовыми, как у младенца. Зеркало затуманилось паром, оставив девушку наедине с чистотой и теплом. Душ окончательно успокоил перегруженные нервы.

Вышла она через полчаса, не меньше. И сразу опустилась на диван. После ванны усталось превратилось в приятную легкую расслабленность.

Сергей сидел на полу за столиком, раскрыв перед собой портативный компьютер.

– С легким паром. – улыбнулся он.

– Спасибо.

Инна глянула в окно, но определить время по здешнему солнцу было для нее неразрешимой задачей.

– Если хочешь, ложись спать. – предложил Сергей. – Еще рано, но тебе на сегодня впечатлений достаточно.

– А ты?

– Забудь. Я еще поработаю. У меня в Интернете свой сайт, он требует постоянного обновления. Я лягу на пол, как уже и говорил. Так что спи спокойно.

– А о чем твой сайт?

– Я собираю японские хайку.

На экране синие стихотворные строчки лежали на розовых соцветиях вишни.

– Красиво. Неужели это кто-то читает? – удивилась Инна. – По-моему японофилия вышла из моды.

– Ты права, я не очень модный. – улыбнулся Сергей. – К тому же не японофил. Просто есть вещи, которые я считаю правильными. Ложись, я же чувствую, как ты устала.

Инна легла под легкое одеяло прямо в халате, ей бы и в голову не пришло раздеться до белья перед почти незнакомым парнем. Светка, та бы не задумалась. Она могла безо всего загорать около Петропавловки. И, что самое удивительное, – несмотря на ее красоту, никто не осмеливался к ней докопаться.

Не смотря на усталость, сонные видения были тревожными – то лестница под ногами проваливалась, то подворачивалась нога, и тогда тело вздрагивало, вырывая сознание в спасительную реальность. Инна пыталась уснуть снова и снова. Телевизор за стенкой бубнил не громко, но звукоизоляция явно оставляла желать лучшего. Сергей внимания не обращал, а Инне мешало.

– Вы считаете, что таким образом можно увидеть духов, демонов и других обитателей тонкого мира? – говорил мужской голос.

– Совершенно верно. – отвечал женский. – Уже существует методика получения изображений ауры человека на фотопленке, есть случаи съемки призраков обычным фотоаппаратом. Но я говорю о возможностях нашего собственного организма. Дело в том, что в процессе эволюции разума люди просто научились не воспринимать образы объектов тонкого мира. Они не могли видеть необъяснимое. А вот кошки, к примеру, запросто видят природных духов и духов жилища. Тут важно научиться...

Инна накрылась с головой, прижалась к подушке и закрыла ухо ладонью.

В конце концов она просто отключилась от изнеможения.

3.

Черная «Волга» въехала во двор и остановилась рядом с микроавтобусом «скорой». Сумерки белой ночи вздрагивали сполохами мигалки.

Задняя дверь легковушки открылась и из нее вышел невысокий полноватый мужчина лет тридцати. Подошел к «скорой».

– Где участковый? – устало спросил он у водителя, показав милицейское удостоверение.

– Наверху, в квартире. – водитель нехотя оторвался от книжки. – Держит этого психа в наручниках. Третий этаж направо, вон, где свет.

Мужчина вздохнул, вошел в подъезд и не торопясь поднялся по лестнице. Нужная дверь не заперта. Он толкнул ее, и сразу услышал басовитый звериный рык.

– Здесь что, собака? – спросил он, не переступая порог.

– Нет, Максим Евгеньевич. – ответил мужской голос из кухни. – Заходите. Это задержанный так рычит. Псих, явное дело.

Пол в кухне был испачкан в крови, на нем валялся разбитый стакан, осколки бутылки и перевернутая сковорода. Рядом с плитой лежал крепкий мужик – руки в наручниках, ноги связаны широким ремнем, лицо все в крови.

У него на спине грузно сидел участковый, милицейская фуражка лежала на залитом коньяком столе.

– Врачи, заразы... – пожаловался он. – Не хотят его вниз тащить. Боятся. Сейчас должен патруль подъехать, тогда мы его спустим.

Мужик снова зарычал, на губах показалась кровавая пена.

Раздался мелодичный сигнал и Максим Евгеньевич снял с пояса сотовый телефон.

– Да, следователь Терентьев. На месте. Сейчас все узнаю и доложу. Ладно, хорошо. Утром будет рапорт. Но предварительно буйное помешательство, причем красавца явно кто-то угостил бутылкой по голове. Бытовуха. Да, хорошо.

– Это не просто красавец. – не слезая со спины задержанного, пояснил участковый. – Это Георгий Суашвили, довольно известный предприниматель. А бутылкой его, скорее всего, угостила доченька, которую он привез черте знает откуда.. Соседка видела, как после шума и крика девушка выскочила из подъезда с пятнами крови на футболке. Но милицию бабуля вызвала только после того, как услышала рык. Мой помощник с ней уже говорил.

Свихнувшийся предприниматель снова зарычал, словно демонстрируя возможности. Он несколько раз дернулся, но участковый сидел крепко, удерживая за шею наработанным хватом.

– Где этот, блин, наряд? – зло фыркнул он.

Внизу заурчал мотор подъехавшего «уазика».

– Легки на помине...

По лестнице загремели штурмовые ботинки, входная дверь распахнулась и в кухню вошли три здоровенных милиционера в бронежилетах. На плече одного висел автомат.

– Этот? – спросил он.

– Ага... – участковый привстал. – Только осторожнее с ним, эта зараза кусается.

Патрульный ухватил лежащего за воротник и брючный ремень, ловко поставил на ноги.

– Ноги развяжи. – повернулся он к участковому. – Не тащить же его на руках...

В этот момент псих извернулся и резко укусил патрульного за ухо. Брызнула кровь.

– А-а-а!!! – заорал укушенный. – Падла!

Он наотмашь шарахнул кулаком в оскаленные зубы, но сумасшедший даже от такого удара сумел устоять на ногах. Только дернулся и снова бросился с насадным ревом.

Ремень у него на лодыжках лопнул с сухим треском.

Озверевший предприниматель снова бросился на патрульного и на этот раз нервы милиционера не выдержали. Он закрыл лицо руками, спасаясь от вымазанных в крови зубов, потерял равновесие и грохнулся на пол прихожей.

Двое оставшихся на ногах патрульных попытались преградить дорогу, но псих буквально смел их ударом тела. Цепь наручников не выдержала и разлетелась звенящими звеньями.

– Стреляй! – опомнился от первого шока следователь.

Участковый выхватил пистолет и звякнул затвором.

Выстрел грохнул так, что дрогнули стекла, тонкий дым заволок кухню. Тут же второй выстрел в удаляющуюся спину, почти в упор – бегущего отбросило до самой стены, но и в этот раз он устоял на ногах.

Через секунду рев раздался уже в подъезде.

– Вперед! – следователь закричал изо всех сил.

Участковый рванулся первым, за ним безоружный следователь и только потом поднялись на ноги патрульные. Укушенный сорвал с плеча автомат.

– Убью суку! – заорал он, передергивая затвор.

Следователь еще ничего толком не понял, но инстинкт преследования сработал помимо воли, ноги загрохотали по лестнице и вынесли во двор. В сумраке хлопнул еще один выстрел и тут же раздался истошный крик.

Когда следователь бегом обогнул «скорую», участковый уже лежал на асфальте и захлебывался в крови из разорванного горла.

– Я в него три раза... – прохрипел он. – В упор...

Сгорбленная фигура буйнопомешанного прыжками удалялась в сторону порта.

– Где врач «скорой»?! – выкрикнул следователь, подбирая с асфальта «ПМ».

Сзади уже ломались патрульные, но он успел прицельно послать три пули, прежде чем загрохотал автомат. Гильзы со звоном посыпались на асфальт, бегущий несколько раз споткнулся и побежал широким зигзагом.

– Заговоренный, гад! – вытаращился водитель наряда. – Сейчас я ему...

Он прыгнул за руль «уазика», запустил двигатель и со скрежетом вогнал передачу. Машина тремя судорожными рывками сорвалась с места и, набрав скорость, сбила далеко отбежавшего сумасшедшего. Тот повалился как сноп, несколько раз перевернулся под днищем, вскочил и снова побежал, сильно припадая на левую ногу. Автоматчик присел на одно колено и отстрелял в него остаток патронов. Одна из пуль попала предпринимателю в голову, куски черепа и кровавые брызги фонтаном разлетелись метра на полтора. Он пробежал еще с десяток шагов, повалился на колени и взвыл совершенно нечеловеческим голосом.

Водитель выскочил из «уазика», достал из кобуры «стечкин» и один за другим отстрелял в голову Георгия Суашвили десять патронов. Только после этого сумасшедший упал лицом на асфальт.

Стало тихо.

От мусорного контейнера через двор метнулась ошалевшая от пальбы черная кошка.

– Ни фига себе... – Максим Евгеньевич подошел к трупам. – Смотри что!

Ночной прохладой пороховой дым прибило к асфальту, от головы предпринимателя почти ничего не осталось. Обрубок шеи подрагивал во внезапно замершей кровавой луже.

– Господи Иисусе Христе! – водила побелел и торопливо осенил себя крестным знаменем. – Избави меня от лукавого!

– Как же девчонка с ним справилась? – Терентьев в лукавого не верил, он знал, что всему есть научное обоснование. – Н-да. Надо бы, чтобы паталогоанатомы получше с ним покопались. Может наркотик какой...

– Хрен знает что... Чертовщина какая-то! – начальник патруля весь перемазался в собственной крови. – Пойдем, а то эта тварь участкового сильно подрала. Чего только не придумают!

Начальнику патруля не волновала ни мистика, ни наука.

С медсестрой случилась истерика, врач «скорой» справлялся сам, торопливо прилаживая капельницу к руке участкового.

– Жить будет. – буркнул он.

Водитель помог уложить раненного на носилки.

* * *

«Тик-так» – говорили огромные часы из черного дерева.

Плотные бордовые шторы исключали белую ночь из цикла существования. Она была не нужна.

«Тик-так». Маятник метался серебряным блюдцем.

Ночь была настоящей, такой, какой и должна быть ночь.

Пусть по небу разливается отражение солнца, но в этой комнате все должно быть так, как решил хозяин. Иначе он не был бы хозяином. Разум должен повелевать пространством, а не наоборот.

«Тик-так». В комнате почти не было мебели. Только стеллажи книг по стенам, огромное черное кресло и такой же диван. Еще был несколько излишний стеклянный столик с хрустальным бокалом. Специально стеклянный, чтоб быть прозрачным и почти невидимым. А вот часы лишними не были, они задавали комнате ритм. У всего должен быть ритм, иначе как понять, что это реально?

Кроме книг на стеллажах были вещи. Подсвечник из бронзы, старинный барометр в деревянной оправе, древнее бронзовое зеркало и мягко светящийся кнопками телефон.

«Тик-так».

Глубоко за шторами по улице пролетел вой сирены. Очень тихо, на самой границе восприятия слуха. Хозяин нахмурился и потянулся к бокалу. Блестящая пуговица коротко звякнула о стекло столика.

Что-то пошло не так, что-то вмешалось в рассчитанный ход игры. Точнее кто-то. Странно, а ведь казалось, что еще немного усилий и эта жемчужина упадет в глубины сокровищницы. Хотя в таких делах всегда большой риск. Проще было бы уничтожить ее сразу, но иногда так приятно почувствовать вкус хоть и маленькой, но настоящей победы.

Игра.

Хозяин пригубил вино из бокала. Красное в темноте казалось почти черным – густое пламя в клетке хрустальных граней.

Да, мир определенно стал жестче, это всегда заметно по вкусу вина. Неприятно. Пожалуй, с этим что-то придется делать.

Маятник подталкивал мгновения ночи.

«Тик-так».

* * *

Город за окном машины казался почти прозрачным – игра света в отсутствии тени. Терентьев хмуро сидел на заднем сиденье «Волги», покачиваясь в такт разгонам и торможениям

– Странно... – водитель посмотрел в зеркало заднего вида. – В Москве нервный прессинг явно больше, а процент сумасшедших меньше, чем в Питере. Иногда я и себя ловлю на мысли,

что от этого города меня разносит. От белой ночи, от этого гранита, от какой-то всеобщей отдаленности... Словно до других городов не расстояние надо мерять, а время. А еще вот такие, как сегодня! Это же тронуться можно! Где это видно, чтоб у человека кровь замерзла среди лета?

– Ты устал... – успокоил его Терентьев. – Третье дежурство подряд такая колбасня. Меня тоже скоро кошмары начнут доставать. Выбрось из головы, медики разберутся, что у него там с кровью. Может нажрался дряни какой. Сейчас чего только не пробуют ради кайфа.

– Я и говорю. Скоро всю милицию придется переодевать в белые халаты санитаров.

– Не придется. – Следователь устало прикрыл глаза. – Ты просто в Питере недавно. Привыкнешь.

– Ну, не знаю... Раньше мы явно реже выезжали на психов. Как-то тревожно мне, Максим Евгеньевич. Будто вокруг что-то меняется.

– В Питере это называется «лето». – улыбнулся Терентьев и удобно вжался в уголок между дверцей и спинкой сиденья.

4.

На ближайшей лавочке разлежся здоровенный рыжий кот. Он купался в брызгах яркого утра, он жмурился и вытягивал лапы так, словно утро, тепло и солнце включили специально, по его, котовому, указанию. Светка издали увидела Инну. Подруга шла беспрестанно оглядываясь, темные пижонские очки до смешного нелепо смотрелись в комплекте с ее простоватой одеждой.

– Ну и очки у тебя! – усмехнулась Светка вместо приветия. – Где взяла-то? Баксов сто, не меньше тянут.

– Ну это... Одного друга. Что, хорошие?

– Держи скорее, а то растает. – Светка протянула Инне одно эскимо. – Чего это ты вся светишься? Влюбилась? В друга-то?

– А ты, что? Экстрасенс? – смутилась Инна.

– Если бы я была экстрасенсом, то не мучилась бы от любопытства – трахнула ты его или нет? Но то, что ты втюрилась по уши, написано у тебя прямо на лбу. Бегущей строкой.

– Не знаю... – Инна задумчиво развернула фольгу. – За три дня разве можно влюбиться? За это время можно затащить кого-то в постель. Но разве это имеет отношение к настоящему чувству?

– Имеет. А вообще, иди ты нафиг. Тоже мне «барышня тургеневская». – подковырнула Светка. – Гонись всякую фигню. Влюбляются либо с первого раза, либо за деньги. Ешь эскимо, а то растает. Испачкаешься.

– За деньги не влюбляются... – сурово произнесла Инна.

По асфальтовым дорожкам прыгали пятна света и воробьи. Кот на них реагировал вяло, только лениво покачивал кончиком хвоста.

– Давай, рассказывай! Не томи! А то ведь лопнешь от избытка эмоций... – у Светки глаза так и сияли от любопытства. – Кто он? Где работает?

Инна откусила эскимо и задумчиво проводила взглядом малыша, гонящего по скверу трехколесный велосипед.

– Этот Сергей совершенно необычный. – смущаясь, выговорила она мягким нежным голосом. – Хочешь скажу честно? Волшебный.

– Принц из сказки? – Светка растянула губы в ехидную улыбку.

– Представь себе – да. И зря ты прикальываешься!

Светка вздохнула:

– Я не прикальываюсь, я завидую. Я, может, сама о принце мечтаю... Хотела бы взглянуть на какого-нибудь мужика твоими глазами. Но как-то не получается. Или мне такие попадают...

Она деловито лизнула эскимо и поправила фольгу обертки.

– Это потому, что ты их снимаешь, как шубу с вешалки. Говорю тебе – Сергей совершенно не вписывается в мой опыт общения с мужским полом. Ну прикинь, ни разу даже не намекнул, что я ему что-то должна. Хотя живу у него четвертый день.

– Да?! Прикольно. Может, у него серьезные намерения? – предположила Светка. – Прикольно. Обычно мужики один раз в кабак сводят и уже уверены, что им должны по уши. Или он гей?

– Никакой он не гей! – возмутилась Инна. – Я же говорю! И вообще он волшебный. Знаешь, как он двигается? Как кошка! И еще... – Инна оглянулась и понизила голос до шепота. – Я даже не знаю, чем он вообще занимается. Может быть, фотограф. У него куча фотографий, на которых просто снят город. Там, сям. Дома, мосты, кладбище, иногда люди. Переход на

площади Труда, сфинксы на Ваське и ворота какого-то таксопарка. С разных ракурсов одно и то же, только в разное время.

– По-моему он псих и занимается фигней. – разочарованно протянула Светка. – В Питере таких валом. Впрочем, вы с ним два сапога – пара. Хотя очки у него приличные... Ну и пусть псих. Выходи за него, пока есть возможность.

– Никакой он не псих! Он пишет стихи, читает по-японски и еще у него есть настоящий меч. Острый, как бритва. Где ты видела такого психа?

Светка пожала плечами:

– Именно это я и называю психом. Почему-то все сказочные принцы немного ненормальные. И как правило нищие. Я бы предпочла принца в белом открытом «мерсе», с домом, бассейном и сауной.

– Не бывает. – убежденно качнула головой Инна. – Большинство богатых людей – сволочи. Иначе как бы они стали такими богатыми? Заработать на открытый «мерс» и дом с бассейном, невозможно в принципе. Для этого обязательно надо кого-то убить.

– Да ладно тебе! – поморщилась Светка. – Люди поднимались на торговле, политике, шоу-бизнесе или рекламе. Для этого не надо никого убивать.

Инна вспыхнула:

– Ты все понимаешь до ужаса буквально. Убивать, это вовсе не значит впрямую душить, резать или стрелять. Можно быть политиком и развязать войну, заработав кучу денег на этом, а можно работать в рекламе и рекламировать отвратительные сигареты, от которых рак наступает после третьей затяжки. Даже в шоу-бизнесе можно убивать не только таланты или надежду, но и людей, устраивая истерию на концертах. Без этого миллион не заработать. Ладно. Ты конспекты принесла?

– На, прогульщица. – Светка достала из сумочки три толстых тетради. – Изучай.

Инна взяла тетрадку и открыла последние исписанные страницы. По широкой дорожке парка медленно профыркал милицейский «уазик».

– Блин... – она прикрыла тетрадкой лицо.

– Ты чего? Чего щемишься-то? – Светка посмотрела на подругу, как на сумасшедшую.

Инна прошипела, продолжая прятаться:

– Дурочка, меня же наверняка ищут! Еще не известно, что стало с папашей.

– А-а-а... – Светка довольно равнодушно позлорадствовала. – Я тебе говорила, что этим кончится. Он сам мечтал тебя трахнуть, но инстинкт запрещал. Вот и решил подложить корефану. Типичный инцест.

– Как это мерзко... – Инна непроизвольно закусила губу.

Эскимо совсем растаяло. Боясь испачкаться, она выбросила огрызок в траву. Кот тут же поднял голову, потянулся и лениво направился к случайному лакомству.

– На твоём месте я бы не щемилась, а постриглась бы и покрасилась. – деловито сказала Светка и выбросила пустую палочку от эскимо в урну. – Волосы накоротко и в красный цвет. Будет круто. Чем ярче, тем безопаснее. И шмотки унисекс. У тебя же хорошее лицо, фигура вполне нормальная. Чего ты ходишь, как клуша деревенская? Откуда у тебя этот дурацкий сарафан? С этими очками точно, как корове седло. Если бы я была ментом...

Светка выразительно поджала губы.

– Сергей купил. – с нежностью сообщила Инна и погладила легкую ткань. – Просто принес и все. А что, тебе не нравится?

– Точно чокнутый. – Светка придирчиво оглядела подругу. – Тебе нужны белые парусиновые брюки, не в обликпу, но и чтоб не висели. Наверх лучше всего рубашку в клетку. Закачишь рукав, будет очень сексуально.

– Ты представляешь, на кого я буду похожа? Я такое никогда не носила!

– Что и требовалось доказать. Никто из знакомых тебя не узнает, а на фотографию ты и вовсе не будешь похожа. Дешево и сердито.

Инна упрямо помотала головой и поднялась с лавочки:

– Ладно, Светик, спасибо, что пришла. Ты извини. Мне пора. Я еще хочу заскочить кое-куда, а потом побегу к Сергею. Конспекты я просмотрю и завтра отдам – неохота отставать от программы. Ладно?

– Давай, подпольщица. Подумай насчет одежды-то. Хочешь, я принесу тебе что-нибудь. – Светка коротко чмокнула в щеку. – Беги, пока троллейбус...

Инна махнула рукой на прощание, бросила тетрадки в сумочку и побежала по дорожке в сторону остановки.

Она успела вскочить в заднюю дверь уже на ходу.

Очень хотелось найти парк, в котором молилась четыре дня назад. Утром она доехала до того места, где, как ей казалось, была та арка, из которой Сергей вывел ее на улицу, но там оказался обычный глухой дворик, заросший молодыми деревьями, сырой и неопрятный. Из дворика не было выхода – глухая стена. А за ней шелестела дорога, гудели троллейбусы и смеялись подростки. Еще в ней была совсем неглубокая ниша в виде арки, может для красоты, а может сто лет назад здесь действительно была арка, но потом ее заложили камнем из-за полной ненужности.

Глянув на часы, решила отложить до лучших времен. Надо еще успеть на Блошинку.

На всякий случай – вдруг мелькнет что-то знакомое – Инна внимательно разглядывала проплывающие за окном дворики. Они все были похожи один на другой и на тот, который она искала, но все-таки это было не то. Вдруг на одной из остановок Инна заметила щит «Их ищет милиция». Одно женское лицо показалось до удивления знакомым. Инна удивилась, но не сразу сообразила, что это ее фотография. А когда догадалась, провалилась в приступ страха. Поправила очки, украдкой оглянулась, не смотрит ли на нее кто-нибудь из пассажиров. Но все они заняты чем-то своим. Высохшая старуха копошилась в кошельке, две женщины оживленно беседовали, мальчишке с плеером было все равно...

В общем-то никому до нее не было дела.

Когда Инна подходила к дому Сергея, порыв ветра зашелестел теплыми кронами. Захотелось полететь и забыть все страхи. Она нырнула в сквозняк подъезда и торопливо побежала вверх. Еще издали девушка услышала, как скрипнула знакомая дверь. Она улыбнулась и побежала еще быстрее.

– Удачно сходила? – улыбнулся он ее сияющей улыбке.

– Да. Только замоталась до ужаса. Ты что, по шагам меня узнаешь?!

– Нет, по свету. – тихо рассмеялся Сергей. – На улице стало светлее, значит ты идешь.

– Вот дурачок... Разве можно так говорить? – Инна опустила пушистые ресницы, пряча счастье и смущение.

– Конечно. Если это так и есть...

– Все равно. Так не говорят. Так можно только чувствовать. А я тебе подарок купила. Смотри. – торопливо заговорила она, чтобы побороть смущение.

Инна достала из сумочки завернутую в целлофан статуэтку, изображающую сторбленного узкоглазого старика с раздутыми от ветра одеждами.

– Ого! – Сергей бережно принял подарок. – Дядюшка Попутный Ветер.

– Ты же их собираешь, да?

– Какая ты умница! – Он хотел поцеловать ее в щеку, но не решился. – Где ты его взяла?

– На Блошинке. Один пьянчужка продал совсем за бесценок. Мне хотелось сделать тебе приятное. Глупо, да? Светка говорит, мужикам нельзя подарки делать. А мне хочется иногда

подарить хорошему человеку что-нибудь. Ну хотя бы мелочь какую-то, но чтоб она его обрадовала. Я деревня, да?

– Нет... – Сергей покачал головой. – Ты не глупая. Это Светка твоя – дура набитая.

– Удивительно! – Инна скинула туфли и вошла в комнату. – Этот пьянчуга постоянно выносит какой-то антиквар. Но этого старика он пытался продать полгода. Наверное Дядюшка Попутный Ветер – для тебя.

– Наверное! Спасибо! – Сергей поставил старичка на полку стеллажа на самое видное место.

– А ты картины тоже любишь только японские? – как бы между прочим спросила она, окинув взглядом стены.

– Ну... Это просто подарки от разных людей.

– Тогда я тебе тоже одну принесла. Только это не картина. Так, из киоска «Союзпечати». Календарь. Если не хочешь, не вешай, мне на нем просто картинка очень понравилась. Светка говорит, что у меня вкуса нет. А мне нравится. Смотри. Только не смейся.

Инна вернулась в прихожую и достала из пакета свернутый в трубочку календарь. Развернула. На синем фоне северной ночи острыми льдинками сверкали звезды, а по заснеженному склону горы бежала стая волков. В гриве жоака, сильного, матерого, запутался ветер, и высоко наверху тоже был ветер – сдувал вихри снега с ледяного пика.

Сергей смотрел секунд десять, потом улыбнулся.

– Ты знаешь, в этой картинке есть настроение. Сейчас я возьму булавки и мы ее привесим на подходящее место. А Светку свою поменьше слушай. Что она для тебя – авторитет?

– Ну... Она такая... – задумалась Инна. – Она городская, а я – деревня. Она умная.

Инна разгладила плотный лист, и Сергей приколол его к обоям булавками.

– Мне нравится. – он отошел на шаг и оглядел работу оценивающим взглядом. – Особенно жоак.

– Он похож на тебя. – Инна все же осмелилась сказать, что думала. – Сильный, загадочный, и на две трети состоит из ветра.

Сергей улыбнулся.

– Тебе бы стихи писать. – без тени насмешки сказал он. – Ладно. Пойдем чем-нибудь пообедаем. Я специально ждал тебя.

Инна уже не раз пробовала помогать Сергею по хозяйству, но тот только отшучивался. Мол, на Востоке лучшим поваром считается мужчина.

– Давай помогу. – предложила она и сейчас.

– Зачем тебе?

– Я привыкла, что я это должна делать. Мне неудобно...

– Почему-то мне кажется, что у тебя об этой привычке не самые лучшие воспоминания. – нахмурился Сергей.

– То другое. А с тобой мне даже хочется сделать что-нибудь вместе. А то я как в гостях... – она смутилась. – В том смысле, что я принцесса, что ли? Или безрукая какая?

– Уговорила. Тогда порежь лук. – он достал из холодильника мясо и взял еще одну доску. – Сегодня у нас отбивные. Не возражаешь?

– Наоборот! Я как раз думала о куске мяса. Так проголодалась! Слона проглочу!

Сергей ловко справился с двумя огромными кусками телятины. Инна почистила луковицу, смочила нож водой и стала резать. Сергей швырнул мясо на сковородку, и раскаленное масло зашипело, покрывая куски румяной корочкой.

Внезапно зазвенел телефон. Инна едва не порезалась от неожиданности.

– Алле! – снял трубку Сергей. – Да! А нельзя отложить? Срочно? Позвони кому-то другому... Никого нет? Черт! Ты меня так обламываешь! Ну хорошо.

Пятна света и тени заматались на столе. Во дворе зашумели липы.

Инна с тревогой заметила зябкие мурашки на руке Сергея.

– Что-то случилось? – осторожно спросила она.

– Мне нужно уйти. Прямо сейчас... Срочная работа. Одна страховая компания заказала нам очень сложную съемку. Там должен быть взрыв дома и куча людей. В общем очень дорого все. А тот человек, который должен был снимать, куда-то пропал. И больше никого не могут найти. Так что...

Он торопливо вытер руки полотенцем и пошел в прихожую.

– Ты надолго? – спросила Инна.

– Кто ж знает? – вздохнул Сергей. – Может до утра, а может и нет.

– А можно с тобой? – растерянно спросила Инна.

– Не надо. – Сергей уже одел туфли и взялся за дверную ручку. – Там мне будет не до тебя.

Инна опустила взгляд:

– Мне без тебя тревожно... А с тобой очень спокойно и хорошо, мне уже год не было так хорошо, как в эти три с половиной дня. Может быть, я не имею права, но мне хотелось бы... В общем. Я не знаю, как мне относиться к тебе...

– Просто мы мало знаем друг друга. Не спеши. Все. Пока! Не скучай.

Он чмокнул Инну в щеку, и пока она, ошеломленная, не знала, что сказать, выскочил на площадку:

– Мясо сгорит! – крикнул Сергей, сбегая по лестнице.

Инна закрыла дверь и снова почувствовала, как тревожно бьется сердце.

Стараясь не замыкаться на беспокойных мыслях, Инна вернулась на кухню и перевернула мясо на сковороде, уменьшила огонь, дорезала лук. Не смотря на влажный нож, пара слезинок все же упала на деревянную доску. Мясо тем временем обжарилось до золотистой корочки. Инна добавила воды, высыпала лук, накрыла крышкой и оставила тушиться, прикрыв огонек до самой маленькой величины. Чтобы сквозняк не задул газ, она закрыла форточку, и занавески перестали метаться.

Инна пошла в ванну умыться.

Плеснув лицо холодной водой, чтобы успокоить слезы, она намылила руки и в задумчивости присела на край ванны, облокотившись о раковину. Странный этот Сергей, не поймешь – нравится она ему или нет. Она пристально взгляделась в зеркало над стеклянной полочкой. Внутренняя усталость оставила на лице следы. Пройдет. Инна наконец решилась признаться себе в том, в чем боялась признаться Светке. Да, она влюбилась. Или очень хотела влюбиться? А он?

Инна попробовала представить, как будет выглядеть с очень короткой стрижкой и крашенными в красное волосами. Забавно. Ну и пусть. Жизнь так изменилось, что было бы глупым, не изменить вместе с ней внешность. Она ополоснула руки и снова, теперь уже не торопясь, умыла лицо. Ласковая прохлада расслабила мышцы на лбу.

Стянув через голову пестренький сарафан, девушка открыла горячий кран, заткнула отверстие ванны металлической пробкой. Наверно ей столько лет сколько этому дому. Инна с удовольствием села в бурлящую от напора воду. Закрыла глаза, зачерпнула ладонью и намочила волосы. Когда ванна наполнилась больше чем на половину, выключила кран и легла. Тело стало легким, а потом и вовсе перестало чувствоваться. Только дыхание нарушало тишину. Вода замерла в неподвижности – тонкая пленка над чем-то. Граница сред. Зеркало, сквозь которое видно.

Инна вспомнила, как в детстве любила часами смотреть на гладь озера. Там всегда были блики, помогавшие воображению рисовать удивительные картинки. Сны наяву.

Все тогда было огромным – расстояние, время. И деревья были большими, и ягоды земляники. Можно было носиться по огромной плоской поляне, хохоча и визжа от удовольствия.

Детское возбуждение передалось телу, потекло вместе с кровью, превращаясь совсем не в детское. По коже пробежали сладостные мурашки, Инна закрыла глаза и облизнула подсохшие губы. И вдруг возбужденной кожей почувствовала чей-то взгляд.

Глаза распахнулись резко, как окошко от ветра.

В ванной никого не было. Но ощущение чужого присутствия не ослабело, даже как будто усилилось. Инна села и протерла защищавшие веки.

Ощущение взгляда было тяжелым, неприятным, каким-то цинично оценивающим, таким отчетливым, что захотелось прикрыть наготу. Она так и сделала – встала и потянулась за полотенцем, боясь глянуть в собственное отражение. Страх казался глупым, необоснованным, Инна попробовала в нем разобраться и поняла, что боится увидеть в зеркале чужое лицо.

– Нервы. – сказала она вслух.

Но даже собственный голос показался чужим.

Собравшись с силами, Инна посмотрела в зеркало.

Отражение было ее, даже легкий испуг отобразился без искажений, но за расширенными зрачками словно стоял кто-то еще. Инна сразу почувствовала – мужчина. Только мужчина мог смотреть с таким вождением и в то же время настолько оценивающе. Взгляд пробежал по лицу, по шее, по напрягшимся соскам...

Инна накинула полотенце на плечи и запахла грудь. Ниже в зеркало видно не было. Она с насмешкой показала отражению язык и вышла в пронизанную солнцем комнату. Инна отбросила полотенце, открыла шкаф и надела футболку почти до колен. Станный взгляд крепко засел в памяти, казалось, что она его уже ощущала. Совсем недавно, дня три назад. Может отец так смотрел, но она сама себе не позволяла в этом признаться? Нет, кто-то другой...

Она вернулась в ванную и смело глянула в отражение. Ничего.

– Точно, нервы. – шепнула она и отвернулась к выходу. – Глупости все это!

И тут же взгляд впился в спину..

Оборачиваться Инна не стала, вышла и зло захлопнула дверь.

Судя по запаху из кухни, мясо уже дозрело.

* * *

После обеда следователь Терентьев проезжал мимо морга и решил сам забрать результаты вскрытия Георгия Суашвили.

– Останови здесь. – попросил он водителя.

Вышел, захлопнул дверцу. Машина осталась у края дороги.

Окна морга снизу были покрашены белой краской, где-то в подвале урчал холодильник. Следователь подошел к двери и вдавил кнопку звонка.

Возле угла здания стояла невысокая девушка лет двадцати пяти, прижав к уху мобильник. Кожаные брюки, тоненький свитерок. Следователь невольно прислушался.

– Иван Сергеевич, здесь скорее всего десантник. Да, я понимаю, но не смотря на это в него всадили полный рожок и десять пуль из «стечкина». Только после этого он скопытился. Да, результаты я сейчас заберу, но и без них на лицо факт прорыва.

Терентьев прислушался внимательнее и убрал палец с кнопки звонка.

– Девушка! – окликнул он незнакомку. – Можно вас на минуточку?

Он сошел с крыльца и шагнул к ней.

– Отвали. – бросила девушка через плечо.

– Подождите. – Терентьев достал удостоверение из кармана брюк. – Я следователь...

– Мне насрать. – девушка глянула ему прямо в глаза.

Следователь почувствовал, что тело стало каким-то чужим, ноги и руки отдельно, а разум словно накрыли мелкаячеистой сеткой. И тянут.

Он остановился, потряс головой. Девушка усмехнулась.

– Иди куда шел. – твердым голосом сказала она и взяла Терентьева за руку. – Только не забудь вынести мне результаты вскрытия. Давай, давай.

Следователь чувствовал, что им управляют, но противиться не мог, ноги сами понесли к двери морга. Снова палец на кнопку. Звонок.

Наконец дверь открылась. Терентьев механически показал удостоверение парню в клеенчатом фартуке поверх одежды и вошел в заваленный трупами коридор. Лежали в основном по-домашнему одетые бабушки..

– Макс, что с тобой? – удивился санитар. – Э, алло! Это я.

Следователь оглядел его мутным взглядом.

– Материалы вскрытия. – бесцветным голосом сказал он.

– Так... – усмехнулся санитар. – До чего же много чокнутых в этом городе... Даже среди порядочных людей.

Он подошел к висящей на стене аптечке и достал двухсотграммовую бутылочку спирта.

– Возьми-ка. Сейчас я воды принесу.

Он ушел в лаборантскую и вернулся с полным стаканом.

– Давай, давай. Поставь крышу на место.

Терентьев послушно поднес бутылочку ко рту и сделал три полных глотка. Закашлялся, но взгляд прояснился.

– пей. – лаборант забрал бутылочку и сунул в руку стакан с водой.

Воду Терентьев выпил уже осмысленно. Снова закашлялся.

– Колян, ты чего? – выпучил он глаза. – С порога... Спиртом... Охренел совсем?

– А зачем пил? – хитро прищурился лаборант.

Следователь задумался, не находя ответа на простейший вопрос.

– Тебя переключило. – охотно пояснил Коля, принимая стакан обратно. – Такое бывает. Знаешь, я даже статистику веду. Как какое-нибудь странное тело привозят, так людей начинает клинить. То лаборантов, то сторожа, то ментов. Ходят как куклы, пока им шило в пасть не вольешь. А бывает и хуже.

Следователь ощутил чрезмерность дозы – в голове начинало шуметь, мир приобретал оттенок потешности.

– Хуже? – языком управлять становилось сложно.

– Ну. Ваську, моего сменщика, помнишь?

– Видел на прошлой неделе.

– Так с ним вообще был приколы. – Лаборант усмехнулся. – Закончил Вася смену, а я его жду возле морга, мы с ним созванивались насчет побухать. Вываливает он и кричит, мол, привет, Колюня, ща я переоденусь и выйду. Я закурил, жду. Вдруг слышу, заднее окошко, со стороны холодильника, бац и вдребезги. Ну, думаю, нифига себе! Типа «кино и немцы», окна бьют. – Он поставил бутылочку на место и пошел в лаборантскую. – Короче, забегаю я в морг, а там Вася сидит на жопе, глаза по пять копеек, окно разбито и, прикинь, одного жмурика нет!

– Ну вы и молодцы набираться... – усмехнулся Терентьев. – От вас уже мертвяки бегают.

– Да хватит тебе прикалываться! – обиделся Коля. – Я сухой был, как говно на морозе. Так не в этом приколы! Угадай, какими словами меня встретил Васек?

Следователь вопросительно поднял брови. Пол под ногами уже ощутимо качался.

– А! Интересно? – самодовольно заключил лаборант. – Он мне говорит, мол, привет Колюня. Прикинь! А мы виделись три минуты назад.

– Горячка белая, одна штука. – поставил диагноз Терентьев.

– Да хрен там! Он как пошел мне втирать! Типа вломились в дверь мужики в черных масках, отоварили Васю и сперли жмурика. Через окно вытянули. В дверь вломились, ты понял?

А я как раз у той самой двери курил. Мало того, он даже не помнил, что я ему звонил! Короче, несколько часов у него из памяти вышибло, а вместо этого в башке всякий бред.

Он посмотрел на следователя и безнадежно махнул рукой.

– Не хочешь, не верь. Только я говорю, последние года три такое часто бывает. Мне и в других моргах похожее видеть приходилось.

– И что, жмурика так и не нашли? – ради приличия поинтересовался следователь.

– Нет. Хотя знаешь, мы его не сильно искали. Бомжара неопознанный. Кому он нафиг нужен? Обуза одна. Мы потом выдрали лист из журнала и вписали оставшихся заново. А этого словно и не было.

– Жулики. – безразлично буркнул Терентьев. – Небось таким же способом продаете трупаков разводчикам, которые из них делают древнеегипетские мумии для коллекционеров?

– Не пойман, не вор. – съехал с темы Коля.

– Поймаю, поздно будет. Давай материалы по вчерашнему психу, да я поеду. Блин, на работу после такой дозы лучше не появляться. Надо придумать отмазочку.

– Жулик. – съязвил лаборант.

– Иди ты... – пьяно ответил следователь.

Колюня фыркнул и вынес папку с результатами вскрытия.

Терентьев взял, слегка покачиваясь вышел из морга и с наслаждением вдохнул свежий воздух без запаха формалина.

Недалеко от крыльца нетерпеливо переминалась с ноги на ногу симпатичная девушка в кожаных брюках и легком свитере. Увидев следователя с папкой в руке, она целенаправленно подошла к нему.

– Давай. – протянула руку за папкой.

– Мы знакомы? – заинтересованно улыбнулся Терентьев.

Папку он рефлексивно отвел за спину.

Девушка замерла, в глазах мелькнуло непонимание. Следователь улыбнулся шире и пьяненько оглядел незнакомку с ног до груди, останаливаясь взглядом на заинтересовавших местах.

– Нажрался... – медленно выговорила она и попятилась. – Вот черт...

Терентьев замер в совершенном непонимании. И вдруг девушка бросилась на него, как кошка.

Даже после приличной дозы спирта рефлексы сработали на удивление четко – следователь отшатнулся, пропустив иглу мимо тела и ударил открытой ладонью девушку в грудь. Она коротко вскрикнула и упала на спину, но тут же по-кошачьему извернулась и рванула в сторону. Сначала на четвереньках, потом с низкого старта в бег.

Терентьев не раздумывая бросился за ней. Однако на бегу незнакомка чувствовала себя гораздо лучше, чем в рукопашной. Она перебежала дорогу, едва не попав под машину, и юркнула в арку проходного двора. Следователь поддал жару.

На него засигналили, взвизгнули тормоза.

– Псих ненормальный! – крикнула через окошко машины молодая водительница. – Ментов на тебя нет!

Влетев во двор, Терентьев понял, что отстал серьезно. Пришлось собрать все силы и набавить еще. Девушка перепрыгнула через песочницу детского городка, выскочила на другую улицу и, пробежав метров десять, свернула в проулок.

Следователь за ней.

Но не успел он перебежать дорогу, как прямо возле него остановилась черная «Волга» с синей мигалкой на магните..

– Садитесь! – через окно крикнул водитель.

– Давай в проулок! – скомандовал Терентьев, запрыгнув на переднее сиденье. – Вовремя ты!

Завизжала резина на старте и машина снарядом влетела в узкое пространство проулка. Заднее колесо гулко подпрыгнуло на бордюре. Водитель ругнулся, едва не задев крылом мусорные контейнеры, в небо взвилась целая стая откормленных голубей.

– Вот она! – привстал с сиденья следователь.

Девушка бежала изо всех сил, прижав к уху мобильник, но расстояние сокращалось стремительно. Она бросила трубку запазуху и метнулась куда-то вбок, скрывшись из виду.

– Черт... – водитель все же вписался в очередной контейнер.

Мусор из перевернутого бака лавиной догнал машину.

– Стой! – выкрикнул следователь.

«Волгу» занесло юзом и она стала, порывивая мотором на холостых оборотах.

– Где эта бегунья?! – Терентьев выскочил из машины.

– А хрен ее знает... – водитель виновато пожал плечами. – Чертова мусорка...

Следователь осмотрелся. От неопрятной лужи шла короткая цепочка следов к измазанной мелом двери подвальчика.

– Туда! – радостно закричал Терентьев и всем телом навалился на дверь.

Та отлетела, как от удара пушечного ядра. Но через пыльные стекла подвальчика пробивалось достаточно света, чтобы понять – внутри никого нет. У стены подвальчика обрывалась цепочка мокрых следов.

Водитель вбежал следом.

– По моему я перебрал... – с трудом отдышался Терентьев. – Ты что-нибудь понимаешь? Куда она могла деться?

– Нет, хоть и трезвый. – водитель присел на корточки и потрогал следы. – Вот так дела!

То кровь замерзает, то следы у стены кончаются... По-моему мне в отпуск пора.

От толкнул несколько раз кирпичную стену. Но было ясно – она не шевельнется.

– И мне пора... – уныло вздохнул Терентьев. – Надо вызывать экспертов.

Группа приехала только через час – эксперт с помощником. Они, без лишних предисловий, принялись лихо окучивать дверь с помощью порошков, кисточек и ультрафиолетовых ламп.

– «Пальчики» четкие и совсем свежие. – прокомментировал помощник.

– Сфотографируйте. – кивнул Терентьев. – И напишите мне хоть что-нибудь внятное про эти следы.

5.

Инна вышла на балкон и чиркнула зажигалкой. Подкурила. Тревога неясная и от того гнетущая давила не сердце. Инна вздохнула.

От неба на крышу стекала влажная прохлада, наверно ночью опять соберутся тучи. Сигаретный дым остывал и медленно струился вниз, к ароматным листьям лип в палисаднике. Отражения в стеклах отливали цветом остывающего заката – темный обрез домов на фоне светлого неба. Тягучее лето затопило город по самые крыши. Теплое, ароматное, терпкое и пронизанное неиссякающим солнцем, будто прекрасно приготовленное вино. Белое, с золотистым оттенком. И тут же захотелось вина, медленно отпивать из бокала и прислушиваться к густому запаху лип.

Инна присела на корточки и глянула сквозь прутья во двор. Крики резвящейся детворы весело металась между стенами, мальчишки играли в войнушку, отстреливаясь из-за деревьев, а девчонки собрались в кучку и громко выкрикивали считалочку:

*Наступает месяц май,
По проспекту шел трамвай,
В нем сидел слепой Бабай.
Кто увидел – убегай!*

После этого выкрика они, как стая воробьев, бросились врассыпную, а девчушка с завязанными глазами пробовала поймать их на слух.

Чуть дальше одноногий старик возился с мотором старенького «Запорожца», перехватывая костыль то одной, то другой рукой.

Инна уговаривала себя не бояться, потому что на балконе у Сергея явно ничего не грозит, но страх из моральной категории превратился в физическую. И умиротворенную картину неторопливого летнего вечера портили неприятные спазмы под ложечкой.

Трель дверного звонка заставила вздрогнуть.

Инна швырнула сигарету и на цыпочках прошла в прихожую и посмотрела в глазок.

– Это я! – отозвался из-за двери Сергей.

Она повернула ручку замка и впустила его в прохладу прихожей.

– Наконец-то... – воскликнула Инна.

– Представляешь? Какая-то кутерьма. Только началась съемка, появляется тот Иван, который должен был работать сегодня. Оказывается он ехал с дачи и попал в пробку. Прорвало канализацию, «Москвичи» позастревали в воде, и он никак не мог выбраться из затора. Ну тем лучше. – Сергей хитро улыбнулся и повесил пакет на вешалку. – Зато я тебе кое-что принес.

Инна даже не успела предположить, что лежит в непрозрачном пакете, когда Сергей достал за горлышко зеленоватую бутылку вина.

– Белое, сухое. – прочел он на этикетке..

– С золотистым оттенком. – добавила она и посмотрела Сергею в глаза.

– Точно. – он разулся и отнес бутылку на кухню. – «Крымский эдельвейс». Хочешь?

– Ты не поверишь, но перед твоим приходом я стояла на балконе и думала, что лето похоже на белое сухое вино. И что я устала от страха и хочу выпить.

Сергей поднял крышку сковороды и втянул носом ароматный пар.

– У тебя руки золотые. – Он выдвинул ящик стола и достал штопор. – Пахнет просто замечательно.

Инна села на стул и положила руки в полоску света, падающую из окна.

– Только я гарнир не сготовила. – всполошилась Инна. – Ты не сказал, что можно взять...

– Мелочи. – отмахнулся Сергей, вкручивая штопор в пробку. – Наши далекие предки вообще ели одно мясо и замечательно себя чувствовали.

Он открыл бутылку и достал из буфета посуду.

– Едят же шашлык под вино, почему мы не можем точно так же съесть отбивные?

– Ты необычный... – солнечный луч высветил улыбку Инны. – Никак не перестаю тебе удивляться.

– А надо? – Сергей разлил вино в бокалы и сел за стол. – Удивляться каждому дню, это же нормально. Даже не просто нормально. Замечательно! – Сергей отпил вино и блаженно сощурился. – Замечательно удивляться каждому дню, замечательно находить в каждом дне что-то новое, замечательно, когда можно совершить какой-нибудь подвиг. Сделать что-то особенное. Победить врага, или спасти друга.

– Такие вещи не совершаются каждый день. – покачала головой Инна.

– Это если не стремиться их совершать.

– Да ну тебя... – Инна не могла понять, шутит Сергей, или говорит серьезно. – Если каждый день побеждать по врагу, то через пару недель ни одного не останется. Слушай, а разве прилично так пить вино? Без тоста, не чокаясь... По-моему так делают алкоголики.

Сергей рассмеялся и поставил бокал.

– А знаешь почему они так делают? Когда пьют нормальные люди, они выполняют что-то вроде ритуала, чтобы придать этому занятию подобие цивилизованности. Они и пьют не столько чтобы напиться, сколько для поддержания определенного настроения в компании. Так легче общаться, вроде как на одной волне. А вот для алкоголиков общение и связанные с ним ритуалы уже не имеют значения, они пьют просто ради процесса. Потому и опускают ненужную часть.

– Значит ты алкоголик? – Инна нахмурилась и отодвинула свой бокал.

– Нет. Просто я понимаю для чего нужны ритуалы и могу их опустить. Вообще, знание сути помогает вычленивать главное и не тратить время на то, что я называю «кудрями». Украшательства, ненужные надстройки.

– Не понимаю... – Инна все же сделала маленький глоток вина. – При чем здесь знание сути? Есть вещи, которые приняты среди людей... Наверное, они правильные...

Сергей отправил в рот кусочек мяса и запил вином.

– Действительно похоже на лето. Послевкусье, как от цветочных лепестков.

Он отрезал еще кусочек и хитро прищурился:

– Хочешь, я расскажу тебе сказку? Вообще-то она старая, может быть ты ее даже знаешь...

Инна подняла брови:

– Какую?

– Про крокодилов. Ведь в древнем Египте крокодилы были священными животными и их запрещалось убивать. Все это знали и все боялись гнева богов, поэтому крокодилы были в безопасности. Но суть не в этом. Крокодилы очищали воду в Ниле и если бы их перебили, река превратилась бы в болото. Поэтому жрецы и назвали крокодилов священными.

– Обманщики... – качнула головой Инна.

– Вовсе нет. – усмехнулся Сергей. – Просто, к сожалению, далеко не все могут воспринять голую правду. Чтобы держать себя в руках и не убивать зубастых чудовищ, им нужен был доступный и понятный гнев богов, а не какая-то там экология. Зато жрецам достаточно знать про воду, то есть знать суть вещей. Ты даже представить себе не можешь, чего можно достигнуть простым пониманием сути. Кстати, никакого обмана в толковании жрецов не было – заболоченный Нил как раз и стал бы тем самым гневом богов. Никакой разницы, как назвать.

– Забавно... – Инна пригубила вино. – Но как-то унижительно для большинства.

Сергей пожал плечами.

– Унизительно для тех, кто не хочет воспринимать вещи такими, какие они есть. Я бы мог сказать заготовленную фразу в качестве тоста и звякнуть бокалами, но я предпочел тебе объяснить. Мне кажется, это честно. Ведь ты хотела, чтобы у меня не было тайн от тебя?

– Пожалуй. – кивнула Инна. – Чувствовать себя дурочкой гораздо унизительнее.

Они ели, пили и улыбались друг другу, а солнце играло в бокалах золотистыми бликами, окончательно смешивая пьянящее лето с вином.

– А ты знаешь. – вдруг улыбнулся Сергей. – В виноделии, гораздо больше магии, чем технологии.

– Ты веришь в магию? – рассмеялась Инна.

На самом деле ей было все равно во что он верит, лишь бы только верил ей. И не бросал ее одну в пустой квартире. Она отогнала тревожное воспоминание.

– Смотря что называть этим словом. Вот посмотри, как свет преломляется в вине. Правда похоже на драгоценный камень? – продолжал Сергей.

– Похоже. Но это чистая физика. Плотность там, еще что-то в этом роде, граница сред...

– А ощущение?

Инна запнулась.

– Не знаю. – честно призналась она.

– С ощущением не бывает «не знаю». Бывает «чувствую» или «не чувствую». Но даже если чувствуешь, ощущению можно не поверить. Можно посчитать его не связанным с внешним миром, принять за отголосок собственных состояний, а то и за легкую галлюцинацию. Доверять ощущению – великое искусство. Когда я смотрю, как свет играет в вине, у меня всегда создается ощущение, что оно живое. И ведь знаешь, я нашел-таки этому подтверждение!

Он с удовольствием сделал еще глоток, Инна замерла в ожидании продолжения.

– Вот представь. – Сергей вычертил пальцем на столе треугольник. – Это гора. На обоих ее склонах растет виноград, но на левом, за счет обилия солнца, он зацветает на два дня раньше, чем на правом. Так вот, сделанное из него вино через год начинает играть, то есть выделять пузырьки газа. Знаешь в какой день? В тот самый, когда зацветает виноград на том склоне, где его собрали. Сделанное из винограда с правого склона, оно начнет играть настолько же позже, насколько позже там зацветет виноград.

– Ну нет. – улыбнулась девушка. – Так ты меня не проведешь. Оно начинает бродить ровно через год, вот и все. Такие процессы.

Хитринка вновь блеснула в глазах Сергея.

– Не совсем так. Виноград ведь зацветает не ровно через год. Одна зима бывает холоднее, другая теплее, да и других причин хватает, но только распустились цветки, вино начинает играть. Это факт! Виноделы его даже используют. Дело в том, что когда вино начинает играть, надо на короткий миг открыть пробку, а затем снова заткнуть горлышко. Но как узнать, в какой день какую партию открывать? Ошибиться нельзя, иначе вино испортится. Так вот, официальным индикатором является цветение винограда в том месте, где его собирали для той или иной партии напитка.

– Забавно... – тихонько сказала Инна. – Ты так красиво говоришь...

– И теперь скажи, что виноделие обходится без магии. – усмехнулся Сергей. – Разве можно не назвать мистической связь между цветущим виноградником и вином, спрятанным за темным стеклом бутылки в подzemелье погреба?

Инна подняла бокал и попробовала взглянуть на вино по новому. Теперь игра света показалась ей какой-то осмысленной.

– Ой, ты меня загипнотизировал! – рассмеялась она. – Нет, правда, оно живое!

– Нужно иметь большую смелость, чтобы доверять своим ощущениям. Зато взамен можно многое получить.

– Например? – Девушка склонила голову на бок.

– Например новый мир. Если хочешь, пойдем погуляем и я тебе кое-что покажу. – улыбнулся Сергей.

– Пойдем. – вскочила Инна, но тут же вспомнила фотографию на доске объявлений и Светкины язвительные насмешки и снова села на стул. – Ой! Мне же нельзя выходить... Вообще я не знаю, что мне теперь делать. Как подумаю...

У нее на глазах навернулись слезы. Но она сдержалась. Только вздохнула.

– Почему тебе нельзя выходить?! – удивился Сергей.

Инна вздохнула и решила рассказать о том, что случилось накануне их встречи в таинственном парке.

* * *

С этим человеком Терентьев беседовал уже час, но ясности это не прибавило. Даже наоборот, начало заводить в какие-то дремучие дебри. Эдуард Бурчуладзе, партнер покойного Георгия Суашвили, сгорбился в кресле и сжимал красивыми вставными зубами пустую трубку.

– У нее мать ведьма, точно говорю, можете верить. – Он поставил локти на стол. – Она в Сургуте людей лечит заговором, деньги за это берет. Я ее знаю, мы ездили с Георгием по делам. Один раз заходили в гости – девочку повидать. И у нее и у ее матери в глазах сидит черт. Точно говорю! – Он с тихим присвистом втянул через трубку воздух и добавил. – Дочка даже хлеще. Та уже старая – перебесилась. А девчонка одними глазами из мужика может веревки вить, что хочешь заставит сделать.

– А что именно? – вяло поинтересовался следователь.

– Я ей на день рождения золотой браслет подарил. Не хотел, а купил. Словно против воли кто-то заставил. А она его не носит, будто смеется. Я так сдурел, что хотел Георгию больших денег дать, чтоб взять ее замуж. Теперь вижу, бог отвел от меня большую беду...

Он сказал и осекся, поняв, что сболтнул лишнее.

– Да? – Терентьев презрительно глянул ему в глаза. – Вот это уже интересно. Тут вам не Кавказ, женщину за калым не возьмешь.

– Зря так говорите... – нахмурился Эдуард. – Никакой не калым. У отца проблемы были. Я хотел помочь... Хотел простить долг ему. Это она меня всякого ума лишила. Нервы совсем стали сдавать, я по ночам так злился, что рычал в подушку, как барс. Врагу не стал бы такого желать. Я к ней и так и этак. А она никак. Думал, может, отец на нее повлияет...

Он снова присвистнул трубкой и сбавил голос почти до шепота.

– Ведьма она. Хотите верьте, хотите нет, но в протокол запишите, я так и сказал.

– Скажите еще, как фамилия ее матери.

– А я помню? Не то Стаханова, не то Острахова. Что-то такое... Не припомню. У Инны после развода родителей осталась фамилия матери. Вы ищите ее, ищите! Я точно знаю, без нее тут дело точно не обошлось. Она очень хитрая, черт а не девка. Георгий по глупости отдал ее в институт учиться на психолога, так она после этого еще хуже стала. Глаз у нее не добрый, посмотрит и внутри все будто куском льда становится. Или огня, как захочет.

– В какой институт? – перебил следователь.

– В платный. – уверенно кивнул Эдуард. – Сто у. е. в месяц. Не знаю, как называется, слышал, но не запомнил. Там психологов учат. Неблагодарная. Отец такие деньги тратил...

– Понятно. – Терентьев взял со стола диктофон, перевернул кассету и снова включил. – Что еще о ней известно?

– Красивая. – Эдуард задумчиво распрямился. – А что говорить, у меня дома фотография есть с дня рождения.

Следователь чуть не выругался:

– С этого надо было начать.

– Я думал, у вас есть. – пожал плечами Эдуард.

– Нет. Сможете привезти сегодня? Ну, в течение двух часов. Тогда я смогу разослать ее для патрульных заступающей смены. Если она сегодня выйдет из дома, ночевать уже будет у нас..

– Ладно, завезу. Сказал – сделал. Только вы ее точно найдите, а то она еще кого-нибудь шлепнет. Меня она тоже не любит. После дня рождения мы с ней повздорили немного, очень уж сильно она меня завела. Так потом у меня два дня сердце болело. И печень. Как с перепоею. Точно ведьма!

– Понятно. – Терентьев вздохнул. – Есть какие-нибудь мысли о том, где она могла спрятаться?

– Спрятаться? – Эдуард задумчиво пососал трубку. – Негде ей спрятаться. Если только у Светки.... Развязная такая девица, но они с ней дружат. Была на дне рождения. Хамка... Никакого уважения к старшим.

– Фамилия? – Терентьев нетерпеливо перебил сетования бизнесмена.

– Не знаю. Учатся вместе. В одной группе, или что у них там. Даже если она зависла не у нее, то они точно встречаются. Я так думаю. А еще скорее именно она ей посоветовала у кого остановиться.

– Хорошо. – следователь посмотрел, как диктофон медленно крутит кассету. – Ну а где она обычно появлялась? Есть же у каждого человека привычки. Алкоголь, наркотики, дискотека. Отец ведь у нее не из бедных.

– Да она какая-то странная, я же говорю. – Эдуард безнадежно махнул рукой. – Сколько раз приглашал покататься, в ресторан хотел сводить. Не соглашается. Не силком же тащить. Какого черта она вообще в Питер приехала, понять не могу.

– Ладно. – Терентьев поднял телефонную трубку. – Дежурный? Это Максим. Пришли помощника, мне тут человека надо до выхода проводить. Какой диск? Блин, это твой? Мне же его Андрей давал, так что я не в курсах. Ладно, завтра принесу. Хорошо, в понедельник.

Он положил трубку и устало выключил диктофон.

6.

Машины фыркали и мяли колесами перегретый асфальт. Но свежий ветер с залива начисто выметал проспект от выхлопной гари, а заодно вносил в пространство изменчивость и подвижность – раскачивал бумажный фонарь у китайского ресторана, гладил деревья и весело играл волосами. Бездомная собачонка лаяла на ползущую по тротуару бумажку.

Светлый вечер перед прозрачной питерской ночью уже вступил в положенные права, дневной зной опустился и замер у самой земли, а небо приобрело загадочный оттенок освещенного янтаря. Но солнце пылало ярко, как подвешенный над заливом прожектор, отбрасывая необыкновенно длинные тени.

– Тут совсем рядом. – Сергей ускорил шаг. – На площади Труда.

Инна шла рядом и смотрела так, словно видела город впервые. Станный какой-то вечер, будто кто-то показывал прекрасно снятый, хорошо отрежессированный фильм с совершенно непонятным сценарием. Освещение, тени, играющий городом ветер, замершие громады домов. Контрасты, контрасты, словно кто-то специально монтировал сцены. Они шли вдоль здания и казалось, что арки ведут в параллельные миры, тени тянулись, будто пытались выскочить из под ног.

– Чувствуешь? – возбужденно спросил Сергей. – Не бойся, нужно просто себе разрешить.

У Инны чаще забилося сердце. Непонятное возбуждение постепенно сливалось с нарастающим ритмом города, даже трамваи стали позвякивать чаще, даже сигналы машин... Над головой звучно хлопнула форточка.

– Чувствуешь? – Сергей заглянул в ее заблестевшие глаза.

– Да... – девушка сказала громче, чем хотела сама. – Но не понимаю!

Ветер подхватил слова и бросил о стену, эхо рассыпалось золотыми крупинками янтаря.

– Это оживает город! – рассмеялся Сергей. – Чувствуешь? Когда ветер дует с залива, река останавливается. Понимаешь, две могучие стихии начинают борьбу, в этом столько энергии, что она начинает ощутимо плющить пространство. Чувствуешь, все сжалось, ускорилося.

– Но так ведь не может быть! – воскликнула Инна.

Она говорила громко, но никто не обращал на это внимания, ветер дул тихо, но настолько упорно, что хотелось его перекрикивать. Люди шли, не замечая никаких изменений, но Инна заметила, что они стали двигаться гораздо упорядоченнее – переходили улицу только по переходам, никто даже не думал идти на красный свет, машины ехали, не нарушая рядности.

– Я никогда раньше такого не чувствовала.

– Просто запрещаю себе. Эти... – Он окинул взглядом вокруг. – То же чувствуют, но запрещают себе.

– Почему?

– Этого я понять не могу.

Инна радостно схватила его ладонь. Ей вдруг показалось, что от всех остальных людей их действительно отделяет невидимая стена состояния, будто прохожие и машины всего лишь герои черно-белого фильма, а она сама, Сергей и оживший город, на этом же экране видны в цвете.

– Мы все в кино! – она рассмеялась.

– Чувствуешь, да? Нужно только поймать состояние и тогда ты словно переходишь границу. Иногда я выходил так далеко, что люди переставали меня замечать.

– Честно?

– Да. Сегодня такой день... Запросто можно попробовать.

Держась за руки они побежали по тротуару, люди расступались, но никто ни разу не оглянулся.

На площади Труда из асфальта торчала прозрачная пирамида – точно в центре, стеклянные грани в небо.

– Пирамида! – Инна без всякого стеснения показала на нее пальцем. – Мы уже в древнем Египте, да?

– Нет. – рассмеялся Сергей. – Это крыша подземного перехода.

– Пирамида. – упрямо повторила девушка. – На этой площади она главная.

Ветер несогласно рванул пеструю ткань сарафана. По всему главным на площади сегодня был он.

– Ой, как меня разносит! – Инна остановилась и прикрыла глаза. – Если я сейчас раскину руки, то смогу полететь.

Люди равнодушно проходили мимо, точно в каком-то совсем другом фильме.

– Не надо. – Сергей крепче сжал ее повлажневшую ладонь. – Ветер сильный, с непривычки снесет. И мне без тебя будет скучно.

– Мне тоже. – Инна открыла глаза. – Давай зайдем в переход, я хочу посмотреть изнутри на это стекло.

Она первая побежала к лестнице, отпустив его руку. Сергей догнал и снова сжал ее мягкую теплую ладонь.

– Нельзя отпускать. – серьезно сказал он. – А то потеряемся и найдем друг друга только к утру. Нас разнесет в разные фильмы.

Она поверила – решила полностью доверять ощущениям.

В переходе было сумрачно и сыро, вода здесь имела большую власть, чем ветер. Свет падал сверху вертикальным столбом.

– Похоже на телепорташку в компьютерных играх. – Инна ощупала столб света взглядом.

Частички пыли делали его вполне материальным. Инну начало отпускать, она даже почувствовала легкую пустоту в душе, как от совсем легкого похмелья.

– Здесь все чувствуется по-другому. – прошептала она.

Говорить громко уже не хотелось.

– Это вода. – объяснил Сергей. – Ты никогда не уходила в глубину с аквалангом? Там власть тишины и спокойствия, мир отсутствия ветра.

– Но мы ведь не под водой...

– Это не важно. Вода совсем близко, вот тут, за стеной.

Инна только теперь обратила внимание, что прямо напротив арки, выводящей из перехода, была глухая стена, сделанная тоже в форме арки. Сергей постучал в стену рукой.

– Прямо за ней Крюков канал.

– А зачем так? – удивилась девушка. – Какой-то вход в никуда.

– Я еще не знаю. Скорее всего случайно так сделали, но пироксилин тоже получился случайно, хотя это не помешало ему стать взрывчаткой. Понимаешь, весь мир, это очень сложный механизм, где вместо деталей – законы природы. Я поэтому и говорил тебе о сути вещей. Если понимать законы природы, можно запросто их использовать. Я еще точно не знаю, но скорее всего этих законов бесконечное множество, отражающее бесконечность Вселенной. Каждый закон или их взаимодействие задает свойства предметам, причем этих свойств тоже бесконечное множество.

– Ой! У меня голова закружилась от такой бесконечности. – Она с улыбкой покачала головой. – Как на карусели.

– Пойдем наверх, там ветер. – предложил Сергей.

– Ну ладно, а какое свойство может быть у этой арки, ведущей в никуда?

– Не знаю, но оно обязательно есть. Даже не одно – бесконечное множество. Любой предмет, существующий в пространстве, так или иначе структурирует это пространство. Но самое главное в том, что он структурирует психику, вводит человека в какое-то состояние.

Как музыка – минорный или мажорный аккорды имеют на психику разное действие. А ведь это только колебания воздуха разной частоты. Если понимать суть вещей, можно предсказать, какая структура какое состояние вызовет.

Инна вспомнила, что недавно уже слышала про разночастотные колебания.

Они поднялись по ступеням и пахнувший морем ветер принялся мягко шуршать в ушах. Снова захотелось говорить громко. Яркое низкое солнце и вечеряющий воздух создавали ощущение полной нереальности происходящего. Казалось, что город действительно ожил и теперь готов выполнять все команды того, кто это понял.

Они подошли к переходу, и машины тут же услужливо замерли, остановившись на красный сигнал светофора.

– Вперед! Пойдем к каналу. – Сергей потянул Инну за руку.

Они пробежали по набережной и спустились к воде по короткой лесенке. В гранитной стене торчало мощное чугунное кольцо.

– Чувствуешь, какая разница? – спросил он, присев на корточки. – Вода и ветер, словно враги. Совершенно разное ощущение.

– Пожалуй...

Инна задумчиво заглянула в воду. В зеленоватой медленной глубине еле заметно шевелились водоросли. Вода в канале не текла, она замерла в полной неподвижности, даже рябь превратилась в стоячие волны. Инна ясно почувствовала, будто голову сжали чужие, недобрые руки.

– В воде тоже есть сила, но какая-то более сложная, даже не просто сложная – более чуждая. – голос Сергея вернул ее назад.

– Ветер мне нравится больше. – призналась девушка.

– Мне тоже. – усмехнулся Сергей. – Но тут дело даже в другом. Мне кажется, что нельзя отнимать у предметов присущие ему свойства. Вода должна течь, а ветер дуть – это правильно. Когда нет ветра, становится душно, но когда останавливается река, становится еще неприятнее. Но не беспокойся, сегодня ветер явно сильнее.

– Это потому, что мы вместе. – почему-то сказала Инна.

– Скорее всего именно так. – улыбнулся Сергей.

Он ловко взобрался на парапет набережной и подал ей руку.

– Иди сюда, я тебе кое-что покажу.

Она стала рядом с ним. Канал убежал вдаль, как сверкающая дорога, над ним изогнулся мостик, будто срезая перспективу пространства. За ним только небо, а по бокам – дома. Рамка огромной картины.

– Смотри, сейчас из-за дома должен выехать трамвай. – прямо в ухо сказал Сергей. – Маршрут немер один.

Ветер полностью овладел миром, по телу быстро разливалась дрожь необъятной свободы. Инне снова захотелось летать.

Слева действительно выполз трамвай, ветер, канал и небо окончательно спутали направление света.

– Он летит! – радостно воскликнула Инна. – Он будто летит по небу!

Сергей рассмеялся и крепче взял ее за руку.

Дрожь струилась в тепло ладоней, связав их накрепко, воедино. Между собой и с городом – ветер стал связующей нитью. Люди, машины, троллейбусы и пыльные тротуары, задвинулись далеко на второй план. Трамвай медленно плыл в расплавленном янтаре неба.

– Йох-у-у-у! – выкрикнул Сергей, раскинув руки, как крылья.

– Йох-у-у-у! – радостно пропела Инна следом за ним. – Это какая-то сказка!

На них не обращали внимания.

Сергей спрыгнул на тротуар и подал девушке руку.

– Пойдем на Васильевский, я покажу тебе кое-что еще!
Она прыгнула – короткий полет.
– Здорово! – задыхаясь от восторга сказала она.
Они побежали к реке через площадь.

* * *

Бело-синяя патрульная машина выехала из ворот тридцатого отделения милиции и почти сразу остановилась. Блестящая краска, как лоснящийся панцирь доисторического хищного зверя, узкий оскал радиаторной решетки, пристальные щелочки фар.

– Где этот молодой?! – сержант в бронежилете открыл дверь и по пояс высунулся наружу. – Чтоб его...

У ворот курил пожилой помощник дежурного.

– Поссать побежал. – небрежно ответил он.

– Понабирали детей в милицию... – Сержант полностью выбрался из машины и сплюнул на асфальт. – Работать не с кем.

– Ладно тебе, работник... – рассмеялся помощник дежурного. – У самого-то давно сопли высохли?

– Иди в жопу. А еще лучше дай закурить.

Помощник усмехнулся и протянул сигарету.

– Что, на свои не наработал еще?

Сержант взял сигарету, вынул зажигалку и присел на капот.

– Слушай, не заводи меня, а? – огрызнулся он. – И так настроение хреновое. Сегодня точно кого-нибудь пристрелю.

Он несколько раз чиркнул зажигалкой.

– Ветер еще этот хренов...

Наконец подкурил.

– Прямо мозги выдувает. – Он спрятал зажигалку и зло затынулся.

– Э... Ты это брось! – Помощник докурил и щелчком отбросил окурочок. – Блин, опять грохнешь кого-нибудь, а я потом затрахаюсь смену сдавать.

– Переживешь. – фыркнул сержант. – Ну где же эта падла? Он у меня сегодня шуршать будет, как сраный веник, это я тебе как врач говорю.

– Да успокойся ты... Я его заодно отправил фотки с копира забрать, на ориентировку про девку-убийцу.

– А что, уже фотки есть?

– Есть.

– Так это другое дело! – Сержант радостно сверкнул глазами. – А то, блин, ищи-свищи.

Из ворот выскочил совсем молодой милиционерчик – серая форма мешком, уши топорщатся, кепка на два пальца выше бровей. Отдал помощнику пачку фотографий.

– Одну себе оставь. – Помощник пересчитал листочки. – Все, давайте! И прикрой на всякий случай Сашкин маршрут.

– А он что, с бодуна не может?

– Нет, его сменщик патрульную машину разбил. Так что Саня сегодня пешочком. Прикинь, трамвайщики до того обнаглели, что таранят ментов.

– Драть их надо... – зло фыркнул сержант.

– Выдерем! Только сначала надо найти, а то он смылся, падла. Снес «канарейке» половину капота и сдристнул. Сейчас его опера отработывают, но в парке битого трамвая ни одного нет. Идиот... Все равно ведь найдем, трамвай это не машина.

– Добро... – кивнул сержант.

– Удачной охоты.

– Да уж как-нибудь...

Он подождал, пока молодой сядет в машину, сам уселся за руль и захлопнул дверцу.

– Сегодня у тебя приятная работа. – небрежно сказал сержант. – С девок глаз не спускать. Как член жюри конкурса красоты, понял? Если мы ее не поймем сегодня, будешь за машиной бегать пешком, это я тебе как врач говорю.

* * *

Инна с Сергеем шли по мосту лейтенанта Шмидта, солнце било в глаза, растягивая тени до совершенно безумной длины, но яркость уже поубавило. Только золоченный шпиль Петропавловки все еще полыхал ярко..

– Какое странное освещение! – Инна шла по тени от ограждения, раскинув руки, как канатоходец. – Небо чистое, солнце яркое, а река серая. Минор и мажор в одном флаконе. Разве так бывает?

– Иногда. – Сергей взял ее за самые кончики пальцев. – Знаешь, где находится памятник звездолетчикам, так никогда и не полетевшим к звездам?

– А такой разве есть?

– Есть. Он здесь, в Питере. И его можно увидеть прямо отсюда.

– Серьезно? – Инна сошла с теневой черты и положила руки на ограждение.

– Абсолютно. Только он немножко в другом пространстве. Дай руку и доверься ветру, он нас сейчас отнесет.

Инна закрыла глаза, но яркие впечатления вечера не дали миру исчезнуть, он так и остался перед мысленным взором – река, мост, Васильевский остров и, за мысом и за домами, убегающий к небу шпиль Петропавловки. Ветер дул почти в спину, ощутимо толкая вперед.

Инна представила, что впереди нет ограждения, и тут же в груди защекотало от восторга и первобытного ужаса высоты. Она стояла на самом краю моста, не ограниченная ничем, кроме легкого касания пальцев Сергея. Еще шаг, и ветер перестанет дуть в спину.

– Я не хочу в рай. – прошептала она не открывая глаз. – Я хочу после смерти стать ветром.

– Я тоже. – раздался шепот Сергея.

– Тогда мы сможем летать и никогда не отпускать рук. – добавила она и счастливо улыбнулась.

Ветер шумел в ушах, складки сарафана бежали, как волны. Безбрежное пространство раскинулось за кромкой моста – замершая река, острова, город, а где-то дальше такие же безбрежные зеркала болот. Дыхание захлебывалось от необъятности мира.

– Попробуй сесть на корточки. – посоветовал Сергей. – Только глаза не открывай.

Инна только представила движение и уже стало страшно. Теперь под ногами представлялся уже не мост, а лишь узкая бетонная балка, на которой едва помещались ступни. Начинаясь нигде, в никуда уходила. Стержень мира.

– Мне страшно. – шепнули губы.

– Не бойся. – весело ответил Сергей.

Она присела и ощущение полета усилилось в тысячу раз, теперь шепот ветра превратился в отчетливый шелест движения.

– Открой глаза.

Она открыла.

Памятник несбывшимся звездолетчикам стоял на том самом месте, где раньше была Петропавловка – здания Васильевского острова стали ему постаментом. Ярко-огненный шпиль звездолета бессильно стремился к недосыгаемым звездам, невидимым в янтаре неба, купол

фотонной дюзы тронула зелень медного окисла, каменный постамент удерживал крепко, не отпускал.

– Мы так и не смогли полететь туда, хотя очень хотели. – негромко сказал Сергей. – Оказалось, что среди звезд нам просто нечего делать. Космос оказался пуст и прост, как орешек.

– Тогда это памятник звездной фантастике. – сразу поняла Инна. – Памятник несбывшимся надеждам.

– Пойдем. – Сергей встал и потянул ее за руку. – Пока солнце не село, нам надо еще кое-что посмотреть.

Они прошли мост. Здесь, на гранитных постаментах величаво спали два каменных сфинкса. Они видели сны о пустыне, о вечном ветре и лысых жрецах. Им было одиноко и скучно, они прекрасно знали все, что случится с Сергем и Инной, они прекрасно помнили то, что было до них. Они улыбались, а Инне стало страшно.

– Не обращай внимания. – рассмеялся Сергей. – Они все знают, но ничего не скажут. Так что нет никакой разницы. Пойдем лучше пить пиво.

– Это еще зачем?

– Так надо. Это же Васильевский остров! Тут нужно гулять и обязательно пить пиво. Прямо из бутылки. Иначе нас совсем разнесет.

Сергей купил пиво в ближайшем ларьке, Инна удивилась, сколько у него с собой денег. Плотная пачка сотенных бумажек. Надо же! Неужели все-таки бывают богатые принцы?

– «Невское» крепкое. – Он протянул открытую бутылку, а другую оставил себе. – Теперь гулять.

Инна сделала первый глоток и поняла – то, что нужно. Что-то блеснуло в пыли у бордюра.

Она присела на корточки и подняла с тротуара монетку:

– Ой, смотри! Настоящий пятак, как раньше!

Инна встала и протянула пятак Сергею.

– Ого, прямо раритет. Год тысяча девятьсот сорок первый.

– Давай оставим его на счастье. – улыбнулась девушка. – Только мне положить некуда.

Сергей помедлил, хотел что-то сказать, но передумал. Подкинул монетку на ладони и сунул в карман. Инна скорее почувствовала, чем заметила, как по его лицу пробежала тень растерянности. Но тут же улыбка стерла все намеки на это.

– Ладно... Может, пронесет... – пробормотал Сергей.

Инна почему-то не решилась переспросить, что он имел в виду.

* * *

Темная комната, красные шторы. Звонкое тиканье огромных часов. Крепкие тонкие пальцы сжали возле уха телефонную трубку.

– Игорь, это я. Будь любезен взять этого парня под особый контроль. А еще лучше пусть его уберут. Ну уж найди способ. Он мне мешают! Все. Сейчас они гуляют по Васильевскому, но вокруг них такая вероятностная яма, что твои сразу почувствуют. И перестаньте наконец стесняться средств! Все уже изменилось, и довольно сильно.

Палец лег на кнопку отбоя, сверкающая пуговица звякнула о стекло столика.

Так будет лучше и правильней. Все равно использовать его уже не удастся, получится только силы зря тратить и мешать более перспективным делам. А вообще жаль, конечно. Экземпляр просто великолепный, редчайший. Сколько таких было за последние годы? Два? Три. Да, этот четвертый. Вот только никого из них так и не вышло использовать. С девушкой будет проще. Она тоже хороша, но без боевой хватки – лепи, что угодно.

Часы пробили одиннадцать раз.

* * *

Длинная пожарная лестница мелодично гудела под подошвами, убегая к небу, а перед глазами рывками ползла стена дома, в которую лестница впиалась пальцами железных штырей. Сергей уже почти вскарабкался. Инна отстала, стесняясь в сарафане лезть первой. Ветер безжалостно трепал ткань, мешая движениям. На уровне четвертого этажа ветер властвовал безраздельно, слышался рокот прохудившихся кровельных листов и редкие хлопки чердачной дверцы. Небо медленно остывало, солнце бродило где-то на уровне крыш.

Сергей поднялся и загрохотал ногами по покатой крыше.

– Давай руку.

Инна подтянулась и влезла следом за ним.

Пачкая руки облупившейся краской, они поднялись до самого гребня, откуда вид открывался до скрытых дымкой пределов мира.

– Здорово как... – огляделась девушка.

На небольшом ровном участке крыши пристроилось сиденье от старого дивана, валялись пустые пивные бутылки и консервные банки. Ветер трепал застрявшие обрывки бумаги.

– Пойдем к самому краю. – Сергей подал ей руку. – Не боишься?

– Мне кажется, что я уже ничего не боюсь. – улыбнулась Инна и присела рядом с Сергеем у самого ограждения. – Потому что ты рядом...

Он молча улыбнулся.

Разноцветные лоскуты крыш волнами разбегались в разные стороны, обрываясь кое-где потемневшими кирпичными стенами. Инна поймала себя на мысли, что с этой крыши видно гораздо больше, чем может быть по законам оптики – весь Васильевский остров, рассеченный линиями и проспектами, корабли в порту и ползущие по рельсам трамваи.

– Они задают городу ритм. – спокойно сказал Сергей.

– Кто? – она сделала вид, что не поняла.

– Трамваи. Именно ритм удерживает город в привычной реальности.

– Странно ты говоришь... Реальность от нереальности отличить очень легко, для этого никакой ритм не нужен. Просто ущипни себя за руку и сразу все станет на свои места.

Сергей засмеялся.

– Ну хорошо, ущипни! – сквозь смех произнес он.

Инна ущипнула себя возле запястья.

– Больно! – улыбнулась она.

– А как же памятник звездолетчикам? – хитро сощурился он.

– Я это поняла как аллегория... – пожалала она плечами.

– Да ладно! Еще скажи, что ты ничего необычного не видела. А вокруг посмотри. Разве может быть отсюда такой вид? Каким законом физики ты объяснишь это?

Город лежал словно на огромной ладони и если вытянуть руку, можно было ощутить его тяжесть. По рельсам ползли трамваи, прокручивая город стальными колесами.

– А ты слышал байку? – вдруг вспомнила Инна. – Дети рассказывают ужасную историю про черный трамвай.

– Что за история? – Сергей повернул лицо и его внимательные глаза стали близко-близко.

– Так. Глупости... – отмахнулась она и заунывным голосом, каким обычно рассказывают страшилки, начала. – "В одном большом-большом городе ездит черный-черный трамвай, а кто сядет в него, у того выпьют всю кровь, и тот превратится в мертвяка и будет вечно-вечно ездить, пока снова кто-то не сядет в этот трамвай." И так далее... Ерунда в общем.

– И все? – как-то слишком серьезно спросил Сергей. – Ничего нового. Это я тоже слышал...

– Ну да. А что тебе этот трамвай?! – удивилась она. – Обычные детские глупости. Ты что-то интересное рассказывал, говори дальше... В чем секрет? Про вид.

– А... Да. – Сергей стяхнул задумчивость. – Как ни удивительно ничего такого, что не вписывалось бы в законы физики. Еще в середине двадцатого века группа физиков во главе с Нильсом Бором доказала, что реально существуют лишь наблюдаемые события. Таким образом объект можно назвать реальным в том случае, если один или несколько его параметров могут быть измерены наблюдателем. Хотя бы одним.

Из чердачного окна вылетела ворона. Ветер шевельнул кусок кровли. Маленький камешек сорвался вниз, и в ответ из двора поднялось непомерно большое эхо.

– Какие параметры? – поторопила Инна Сергея.

– Да любые. Положение в пространстве, цвет, масса, размер, температура... Что угодно. Если же ни один из параметров измерить нельзя, то нет возможности назвать объект реальным.

– Но ведь математически можно высчитать и ненаблюдаемые объекты! – возразила Инна.

– Можно. Но тогда это будет не реальностью, а абстракцией. То есть математические расчеты могут быть верными, а могут и нет. Подтвердить реальность существования чего бы то ни было, можно лишь наблюдением.

Инна задумалась. Ветер теребил края сарафана.

– Вот например. Ты когда-нибудь видела живого кита? – неожиданно спросил Сергей.

– По телику. – автоматически ответила Инна.

– Так бывают киты, или нет?

– Бывают, конечно!

– Потому что ты видела их по телику? Но тогда бывают и динозавры парка юрского периода. – рассмеялся он.

Ветер подул сильнее. Трамваи сильнее звенели на рельсовых стыках.

– Не путай меня! – отмахнулась девушка. – Китов видели другие и рассказали об этом в книгах.

– Тогда существуют и морские змеи, о них тоже много написано в древности. – усмехнулся Сергей.

Инна не знала, что на это ответить.

– Ладно, я тебе помогу. – Сергей распрямился и посмотрел вдаль. – Весь секрет в том, что наблюдаемое человечеством пространство несоизмеримо больше пространства, которое может наблюдать один человек. Вот ты никогда в жизни китов не видела и скорее всего никогда не увидишь, а есть люди, которые только тем и занимаются, что наблюдают китов. Лично с этими людьми ты тоже вряд ли встретишься, но даже если это произойдет, возникнет проблема доверия. То есть кит для тебя уже не то, чем является на самом деле, а то, что о нем расскажет наблюдавший его человек.

– И что из этого следует? Это ведь понятно и так.

– Не понятно. Ты просто к этому привыкла и не задумываешься. На самом деле возникает некий дребезг реальности. Когда тебе начнут рассказывать про китов, что-то наверняка упустят, что-то может быть преукрасят, и в результате кит для тебя будет хоть немножко другим, чем для человека, видевшего его. А когда начнут рассказывать мне, упустят что-то другое и тогда наши с тобой киты будут разными. Немножко.

– Ну и что? – разочарованно пожала плечами Инна. – Это ни на что не влияет. Да к тому же можно взять научную книжку, где про китов написано все, с подробностями.

– И в ней ты обязательно найдешь слова: «Некоторые ученые считают, что...». А другие считают иначе.

Одинокий трамвай проехал по проспекту совсем рядом, провода зазвенели, словно настроенная струна.

– И зря ты говоришь, что это ни на что не влияет. Понимаешь, человек с каждым годом начинает получать все больше информации о предметах и событиях, которых сам никогда не видел. А поскольку теория наблюдателя была доказана физиками экспериментально, мы получаем странную вещь. С каждым годом пространство, в котором живет человечество, все сильнее и сильнее вываливается из реальности.

– У тебя явные проблемы с определениями. – снисходительно улыбнулась Инна. – Что ты называешь реальностью?

– Ну... Самой реальной реальностью можно назвать гравитацию. Ее наблюдают все, хотя никто не знает, что это такое.. С домами уже хуже, папуас и русский при слове «дом» представят очень разные объекты. Самыми нереальными можно назвать атомы. Их наблюдало очень мало людей, да к тому же не напрямую, а посредством сложных экспериментов. Информация о них искажена настолько, что большинство считает атомы шариками, вокруг которых летают другие шарики. На самом деле никаких шариков, конечно нет, это лишь абстрактная модель, позволяющая в реальности оперировать этим понятием. А представь себе, что есть многое, чего никто из людей никогда не наблюдал. Или наблюдали единицы. Допустим нет подходящих приборов, или нечто появляется только в определенных условиях. Как Несси, снежный человек, летающие тарелки или «черные дыры». Все это лежит на самой грани реальности, а то и за гранью. Нельзя доказать их существование, пока не возникнет определенное число наблюдателей, которым можно доверять, но нельзя доказать и то, что они не существуют.

– Вот ты меня загрузил. – рассмеялась Инна. – А трамвай-то тут при чем?

Она беспокойно оглянулась, то ли стало холоднее, то ли потянуло сквозняком, то ли ее зазнобило от пережитых волнений. Не хватало только заболеть.

– При том же, при чем и часы. Даже не только часы, а все, связанное с ритмом. Чем четче ритм, тем сильнее он удерживает пространство в определенном слое реальности. Вот сейчас десять минут двенадцатого, через час будет десять минут первого. Мы это точно знаем, потому что так уже было не раз. Чем точнее мы сверим часы, тем точнее будет мое и твое утверждение, тем больше оно будет соответствовать реальности.

– Забавно... – усмехнулась девушка, глядя на спутанные волосы трамвайных путей. – Значит расписание трамваев позволяет предсказать хоть в чем-то, хоть с какой-то достоверностью, состояние города в определенный момент?

Сергей взглянул на нее с интересом:

– Что-то вроде того. В этом плане трамваи отличаются от всего остального транспорта, который ходит по расписанию, еще и тем, что они движутся по строго заданным траекториям. Кроме того ритм заставляет людей делать похожие вещи – вставать утром, идти на работу, завтракать, смотреть телевизор. Это удерживает их в на одном уровне реальности, не дает обществу развалиться на части.

– Значит если все люди встают в девять часов по заводскому гудку, а кто-то в двенадцать после тусовки, значит они живут в разных реальностях... – удивилась своей мысли Инна.

– Абсолютно. У них совершенно разный взгляд на мир, разные приоритеты, а это формирует совершенно разное мышление. Когда шла война в Чечне, для многих ее попросту не существовало, они жили в реальности без войны – не смотрели телевизор, не читали газет. Но важно даже не это. В принципе реальность можно сформировать, а это уже гораздо серьезней.

Сергей встал и оперся руками об ограждение крыши. У Инны тревожно забило сердце. Снова беспричинное беспокойство окатило волной мурашек.

– Не стой на краю. – попросила она. – Вдруг перила гнилые.

Сергей сел и безразлично посмотрел на ладонь – вымазался в какой-то смоле.

– Вот тебе и реальность. – усмехнулся он. – Представь! Допустим некто, у кого очень много денег, хочет заработать их еще больше на антивоенной истерии. Для этого ему надо развязать небольшую войну, а затем, использовав средства массовой информации, раздуть впе-

чатление бойни. И вся страна будет жить в сформированной реальности, где идет ужасная, кровопролитная война, которой нет на самом деле. Или наоборот... Вот скажи мне, где проходит граница между Европой и Азией?

– По Уралу, конечно. – Инна улыбнулась, готовая к подвоху.

– Правильно. А южнее?

Тут она запнулась.

– Подожди... А, вспомнила. Уральский хребет, река Урал, Каспий, Черное море, Босфор.

– Почти правильно. – Сергей хитро сощурился. – Точнее это одна из географических реальностей, в которой живет очень много людей. Но скажи-ка, а где проходит эта граница между Каспием и Черным морем?

– Наверно по Кавказу... – неуверенно ответила Инна.

– Значит Сочи это уже Азия? – рассмеялся Сергей.

Это окончательно сбило девушку с толку.

– Не знаю... – честно призналась она.

– Вот тебе и сформированная реальность. Типичный пример ее коммерческого использования. Просто некоторые мелкие государства очень не хотят считаться азиатскими, поэтому по негласному взаимному соглашению реальная граница Европы просто умалчивается. Ее никто не наблюдает, поэтому она в буквальном смысле выпадает из реальности. Даже в Большом Энциклопедическом словаре не указана. Указана граница Азии, причем в статье «Азия», а на картинках приложений «Майкрософт офис» к Европе отнесена и вся территория Турции. Пройдет некоторое время и смеяться над этим уже не будут – примут новую реальность.

Он попробовал обтереть испачканную ладонь о крышу, но только вымазался еще сильнее – к смоле пристала старая отслоившаяся краска.

– Черт! – досадливо ругнулся Сергей и поискал глазами обо что еще можно вытереть руку.

– А ты не думал, что это можно использовать еще как-то...

– Я ведь привел пример, как это делают другие.

Ветер снова усилился. Он пробежал по крышам, хлопнул распахнутыми окнами, крутанул флюгера.

– Нет, ну это ведь просто манипуляции информацией. Слова. А мне кажется, что отсюда совсем не далеко до чего-то гораздо более серьезного. Смотри!

Инна совершенно потрясенная смотрела, как стихший ветер, уронил на крышу самолетик, сложенный из тетрадного листа.

– Ну вот! То, что я хотел. Нет ничего серьезнее информации. – усмехнулся Сергей и подобрал самолетик. – Весь воспринимаемый нами мир, это лишь разного рода информация – книги, рассказы людей, фотографии, видео, СМИ. Если станешь этому доверять, твоя реальность попадет в зависимость от чужой воли, а если нет, она схлопнется до размеров доступного взгляду пространства.

Инна задумалась, глядя как крадутся через город трамваи:

– Значит плохо и то, и другое? – спросила она. – Что же тогда остается?

– Понимать суть вещей. – Сергей окончательно вытер руку и сел рядом с девушкой. – Когда ты знаешь, что и как формирует реальность, можешь запросто ей управлять.

– Да? – Инна недоверчиво сощурила взгляд.

– Конечно. – рассмеялся Сергей. – Я этим деньги зарабатываю.

Ветер опять подул сильнее и по крыше покатила пустая бутылка.

– Как? – удивилась девушка.

– Работаю в рекламной фирме. Видео, фотография, компьютерная графика... Как раз эту реальность и продаю... Многие предпочитают эту иллюзию настоящему миру. Это их право.

Каждый выбирает ту реальность, в которой ему хорошо. Вот мы выбрали памятник звездолетчикам, ветер и эту волшебную белую ночь.

– Теперь я знаю, кто построил памятник звездолетчикам, но до сих пор не понимаю как. Как ты умудрился показать мне это? Ведь я как будто увидела мир совсем другим. Еще в Сургуте я мечтала о каком-то чудесном мире. Мне казалось, что это где-то далеко! Нужно ехать на поезде, лететь на самолете. Мне кажется я и в Питер приехала в погоне за этой мечтой. А оказалось – этот мир здесь, прямо вокруг меня! И это сделал ты!

Инна распахнула руки, и порыв ветра с нежностью обнял ее.

– Вообще это даже не я, это ветер. – улыбнулся Сергей. – Он задает ритм самому пространству, структурирует и изменяет его. Я поймал этот ритм и постарался вывести тебя на тот же уровень восприятия, на котором находился сам. У тебя получилось. А дальше уже легче – наше сознание работало словно на одной частоте, мы чувствовали одинаково и одинаково стали видеть. Можно сказать, что мы находились в одной реальности, поскольку информацию, поступающую со зрением, слухом и осязанием, интерпретировали одинаково.

– А остальные люди при этом находятся в другой реальности?

– Похоже, что да. Я же говорил, можно выйти так далеко, что другие перестанут тебя замечать. Для этого просто нужно сбить свой собственный ритм, отстроиться от ритма других людей.

– Интересно. – призналась Инна. – Я в детстве мечтала о шапке-невидимке.

– Ну, до полной невидимости мне никогда не удавалось дойти. Меня всегда видели кошки, собаки, дети и сумасшедшие. Похоже у них есть некая общность восприятия.

– Значит они всегда видят памятник звездолетчикам, который ты просто придумал?

– Скорее всего нет. Кошки и собаки не знают, что такое звездолетки. К тому же ведь я тебе подсказал, что нужно увидеть. У остальных другие опоры восприятия, а значит и немного другая реальность. Вспомни, когда ты была маленькой, в кого превращался по ночам стул с оставленной на нем одеждой?

Девушка рассмеялась.

– Мамино платье всегда превращалось в кикимору. – сказала она. – А пылесос в кровососущего осьминога.

– А у меня почти все превращалось в ожившую мумию.

– Фу... – Инна надула губы. – Гадость...

– Вовсе нет. – улыбнулся Сергей. – Просто для меня самым страшным впечатлением детства была именно мумия, которую родители показали мне в каирском музее. А когда я узнал, что это не забинтованная кукла, а настоящий мертвец, я потом неделю боялся открывать глаза в темноте.

– Ты рос в Египте? – искренне удивилась девушка.

– Мне тогда было семь лет. Отец офицер, мать военный строитель. Командировка. Мы там прожили два года.

– Здорово! Наверно интересно, да?

– Интересно.

– А я никогда не была за границей. – Инна грустно вздохнула. – Вообще-то я из Сургута, для меня даже поездка в Питер была перемещением в совершенно иной мир. Я до сих пор иногда теряюсь... Иногда случится что-нибудь странное, а как начнешь вспоминать, все кажется ненастоящим. Словно не со мной было, а показали по телику. Или сон такой... Потом ложишься спать и думаешь, а было ли оно на самом деле?

Она вдруг вспомнила поход в лабораторию, но никак не могла решить, рассказать или нет.

– Защитная реакция мозга. – пожал плечами Сергей.

– Я знаю, нам в институте рассказывали. Когда видишь что-то ни на что не похожее, сознание пытается найти подходящий образ из тех, которые можно назвать знакомым словом. Если такой не находится, воспоминание забрасывается в глубины подсознания.

– Такое редко бывает. – Сергей расправил подобранный лист бумаги и задумчиво сощурил взгляд. – Все на свете на что-то похоже, даже облака похожи или на собак, или на крокодилов. При недостатке информации мозг сам начинает достраивать образы до знакомых очертаний. Так платье превращается в кикимору из книжки, а выброшенное на берег бревно в крокодила. А дети еще не очень хорошо знают, куда попали. Поэтому так трудно иногда отличить галлюцинацию от реальности.

– Это понятно, но я не о том. Иногда видишь знакомые вещи, но в таких ситуациях, в которых они ну никак оказаться не могут. Тогда в мозгах будто что-то заклинивает.

– Например? – не понял Сергей.

Инна замялась, подыскивая подходящий пример.

– Ну, например чайник, простой и понятный, вдруг подпрыгнет на плите раза три. Ты протрешь глаза и постараешься об этом забыть. Разве не так? Скажешь – не бывает.

– Похоже... – Он кивнул и снова посмотрел на бумагу. – И часто у тебя чайники прыгают?

– Почему обязательно чайники? – вздохнула девушка. – Вот недавно мы со Светкой сидели во дворе, и вдруг из арки выезжает машина, а в ней мужик в такой маске... Как киборг. Мы перепугались до ужаса. А потом он еще стал кого-то выслеживать, но во дворе кроме нас точно никого не было.

Сергей заинтересовано поднял на нее взгляд, сложил бумажку и сунул в карман.

– А подробнее?

Инна рассказала все, что произошло во дворе.

– Правда похоже на бред сумасшедшего? – улыбнулась она.

– Не очень. Машина была красной «Нивой»?

– Да... – Девушка поежилась от неприятного холодка, пробежавшего по спине. – Откуда ты знаешь?

– Я много чего странного знаю. – уклончиво ответил Сергей. – У меня работа такая. Когда много фотографируешь в городе, иногда получаешь интересные снимки. Совсем не те, какие хотел получить. Один раз мы с фотографом снимали кладбище, а потом я увидел на фотке красную «Ниву» и в ней странное существо. Даже испугался вначале. Только при хорошем увеличении рассмотрел человека в маске с выпученными окулярами. Если бы не ясный день, я бы решил, что это какой-то усложненный прибор ночного видения.

– Светка тоже уверена, что менты кого-то выслеживали.

– А прибор зачем?

– Не знаю. – Инна пожала плечами. – Может быть в него видно что-то особенное?

Сергей помолчал, обдумывая услышанное.

Инна встала и подошла к самому краю крыши. Небо тихонечко остывало, прибывая насыщенность цвета. Ветер немного стих, но дул ровно, удерживая ощущения на одном уровне.

– Сверху трамваи похожи на огромных металлических муравьев. – Девушка раскинула руки, позволив ветру ласкать кожу. – Ползут, трудятся, и нет им разницы, что мы о них думаем. Вот она – объективная реальность, данная нам в ощущениях.

– Маркс все чересчур упростил. – Сергей несогласно покачал головой. – Далеко не вся реальность нам дана в ощущениях. Пульсары, квазары, молекулы, атомы... Нам приходится создавать приборы, которые переводят реальность в понятные нам ощущения. Чаще всего в зрительные.

Инна вспомнила окуляры таинственной маски, но продолжать разговор на неразрешимую тему уже не хотелось. Она зачем-то подобрала скомканный самолетик и начала его расправлять.

– Мир ведь бесконечен. – Продолжал Сергей. – Наверняка есть нечто, чего мы не можем увидеть лишь потому, что у нас нет подходящих приборов. Мы привыкли доверять лишь зрительным ощущениям, но мне это не кажется правильным. Иногда нужно просто довериться ощущениям и правильность осознания придет сама...

Инна сложила самолетик по старым сгибам. Он получился лохматым и потрепанным. Девушка уже подняла руку, когда Сергей вдруг увидел на крыле отсвеченные небом короткие строчки.

– Постой-ка! Там что-то написано. – он успел выхватить самолетик, развернул его и прочел вслух, запинаясь на потертых буквах:

*Сквозь сваи и свалки
Звенят трамваи,
Свиваются рельсы
В прическу Горгоны.
Пугаются ржаво на стыках вагоны,
И я не могу
Отыскать названия,
И я не могу
Понять закона.*

*Я этот город держу в ладнях,
Липкий пятак или липкие листья
Липы притихшей. В мареве знойном
Гонит меня в оцепенении полдня
Призрак, похожий лицом на выстрел.
Током ударит озноб от мысли –
Все уже было.*

*Тысячу лет,
Сквозь сваи и свалки,
Ржавый трамвай пробивает дорогу.
Тысячу лет
Ковыляет вразвалку
В черном пальто идиот одноногий.
Тысячу лет
Он идет вдоль забора
И собирает репы на медали.
Тысячу лет
Усмехается ворон.
Тысячу лет
Я еду в трамвае.*

Слова завораживали, создавая странное ощущение близкого открытия. Трамваи медленно ползли по блестящим путям.

– Надо же! – воскликнул Сергей. – Кто-то послал нам письмо. Зачем? Почему? Что он такое почувствовал, из-за чего не смог удержаться?

– А может быть – просто? Случайно... – вздохнула Инна. Она уже устала от обилия необъяснимых совпадений.

Ветер рванул край сарафана.

– Нет. – покачал головой Сергей. – Это нам принес ветер... Такое можно было написать только на *такой* крыше... Здесь действительно ощущаешь, что в движении трамваев есть какой-то непонятный закон. Я чувствую это, но понять не могу. Как будто в нашем мире два закона, один из которых питает знание, а другой веру. Мы верим в то, что жизнь родилась и развивается по воле Бога, но знаем, что это лишь слепая нить эволюции. Верим в существование инопланетян, но знаем – их нет. Мы придумываем в книгах межзвездные корабли, зная, что скорость света преодолеть невозможно. У нас есть предания о магах, драконах и древних богах, но мы знаем, что их не бывает. Почему так? Словно память человечества и память личности имеют совершенно разный источник, словно когда-то мы жили в совершенно другом мире с совершенно другими законами.

– Да... Я чувствую... – тихо сказала Инна. – Сережа... Я очень устала почему-то...

Ветер подул сильнее, пытаясь оттолкнуть Инну от ограждения крыши.

– Отойди от края! – выкрикнул Сергей и дернул ее за руку.

Почти в тот же миг перила лопнули, со скрипом выпятились за пределы крыши и рухнули вниз.

Инна села на корточки и схватилась за крышу с замершим сердцем:

– Ой! Мамочки мои...

Секунда пронзительной тишины замерла в воздухе и ограждение с лязгом рухнуло. Во дворе кто-то завизжал совершенно перепуганным голосом.

– Господи... – прошептала Инна.

Кричали что-то про новую машину и проклятых наркоманов на крыше. Дрожа от страха, Инна подползла к краю крыши, ухватилась за надежный с виду кровельный лист и посмотрела во двор. Внизу стоял джип «Шевроле», изуродованный рухнувшим фрагментом решетки, а вокруг него бегала расфуфыренная хозяйка, визжала и грозила кулаком в небо. Из подъезда выскочил толстый мужик и принялся орать не менее истерическим голосом..

– Надо сматываться. – Сергей потянул девушку за руку. – Пойдем. Вот кстати о реальности. Для них – для тех, кто внизу – мы бессовестные, безобразные наркоманы. А ведь мы просто совершенно нормальные парень и девушка, и никому не хотели зла.

– Да уж! – вздохнула. – Не хотели...

Они спустились на пыльный чердак и побежали в дальнее крыло дома, перепрыгивая через доски, коробки и пустые ржавые банки из под масляной краски. Вдруг Инна остановилась и, взвизгнув, стала оттирать с лица что-то невидимое.

– Паутина! – произнесла она наконец членораздельную фразу.

– Что?! – рассмеялся Сергей. – Ты паутины боишься?

Он помог ей снять с лица липкую гадость.

– Терпеть не могу! – по голым рукам Инны пробежала волна мурашек. – Ее же пауки плетут! Брррр! Фу, даже думать не хочется.

– Понятно. – Он снова потянул ее за руку. – Арахнофобия. Бежим скорее, а то сейчас тут появится разъяренная парочка с бейсбольными битами. Это будет похуже пауков.

Инна побежала следом за ним.

– Хуже пауков ничего нет. – буркнула она на бегу. – Даже бейсбольные биты лучше!

Они добежали до конца чердака, и Сергей рванул на себя люк в полу. Внизу звякнуло, что-то упало на бетонный пол и люк распахнулся.

– Лестницы нет. Как же я слезу-то? – Инна жалобно посмотрела на Сергея.

– Бывает... – усмехнулся Сергей и солдатиком прыгнул вниз. – Прыгай, я ловлю.

– Высоко... – Инна неуверенно глянула вниз.

– Это только кажется. Не бойся.

– Я боюсь тебе по голове коленом попасть.

– Забудь. Представь, что прыгаешь с садовой скамейки.

Инна закрыла глаза и прыгнула. Внутри все замерло кратким мигом полета и тут же крепкие руки ухватили за талию. И теперь все внутри замерло от случайной близости тел.

– Оп! – выдохнул возле уха Сергей.

Пол упруго ударил в ноги...

– Видишь, ничего страшного. Все, бегать больше не надо, спокойненько спускаемся и идем дальше.

Он внимательно глянул в ее глаза, медля отпустить руки. А она медлила отстраниться от него.

– С тобой все в порядке? – шепнул Сергей.

– Да. – улыбнулась она и подумала, что надо идти. Она поправила волосы и добавила. – Только сейчас я почувствовала, как сильно перепугалась...

Они прислушались – на лестнице было тихо. Стараясь не шуметь, пошли вниз.

Подъезд выходил прямо на линию, редкие в этот час машины светили фарами в сумерках белой ночи. Напротив два фонаря подсвечивали пятнами желтого света пластиковую вывеску над магазином:

"Окна Аквариумы Зеркала".

С проспекта донесся вой милицейской сирены. Инна вздрогнула, но Сергей сжал ее ладонь в своей:

– Они едут в другую сторону. Ты мне веришь? Ты обещала мне ничего не бояться.

– Да. – прошептала Инна. – У меня в голове все перемешалось. Твои слова, стихи эти странные, да и вообще... День сегодня просто удивительный, волшебный какой-то. И в то же время тревожный. Ветер, солнце безумное, которое будто крадется за горизонтом... город этот, будто блокада еще не кончилась, трамвай... бронзовый пяточок... И как ты догадался, что я хотела вина?

– Мне и самому захотелось. – отшутился он.

– Так не бывает. – Инна пошла по бордюру у самой дороги. – Иногда мне кажется, что ты просто читаешь мои мысли. И мне неловко от этого. Потому что я тебя совсем не понимаю...

– Нет, читать я их не могу. – Сергей догнал ее и пошел рядом.

Она раскинула руки, стараясь не наступать на стыки бордюрных камней. Получалось плохо – некоторые шаги приходилось делать либо совсем короткими, едва не теряя равновесие, либо неудобно длинными. Сергей подумал и добавил, словно решившись:

– Просто у меня жизнь такая была... Поневоле научился чувствовать то, мимо чего другие проходят не глядя.

– А как ты понял, что ограждение грохнется?

– Сказать честно или с кудрями?

– Лучше честно.

– Тогда скажу, что не знаю. Просто у меня иногда бывает предчувствие, хорошее или плохое. Я привык ему доверять и еще ни разу не ошибся. Будто кто-то нашептывает мне на ухо. Если бы ты знала, сколько раз мне это спасало жизнь!

– Ага, значит жизнь у тебя была полна опасностей и приключений? – с улыбкой обернулась к нему Инна.

– Что-то вроде того. Скучно не было.

– Забавно... Дай-ка я попробую угадать. Ты был ментом.

Сергей улыбнулся и покачал головой.

– А, поняла! Пожарником! Это у тебя профессиональное чутье, знать, когда что-нибудь с крыши грохнется.

– Холодно. – рассмеялся он.

– Не хочешь, не говори. Куда мы теперь?.. Я не хочу домой. Мне не хочется. Чтобы эта ночь кончалась.

– Заметано! – Он взял ее за кончики пальцев. – Ты не боишься ходить ночью на кладбище?

– Не знаю. Ни разу не пробовала... Знаешь, я хотела тебя спросить, раз уж мы все равно гуляем. Ты не мог бы отвести меня в тот парк, где мы встретились? Мне кажется, это где-то рядом.

Она оглянулась, чувствуя непонятное волнение.

Сергей остановился:

– Знаешь... Сегодня это могло бы получиться, но это не так просто, как может показаться. Но, чтобы было понятнее, я расскажу тебе небольшую историю. Она довольно длинная, но тебе понравится. Я уже говорил, в моей жизни случались необычные вещи, которые я до сих пор не могу объяснить. Но они давали опыт, приоткрывали завесу над неведомым. Это началось очень давно, я был тогда совсем маленьким. Представляешь, первым моим воспоминанием оказался праздничный торт, на котором мама сгущенкой вывела цифру пять. Это как раз и был мой день рождения. А на следующий день маме позвонили и очень скоро к дому подъехал военный «УАЗик», нас повезли на военный аэродром, мы сели в транспортный самолет, долго летели над морем и сели в городе, где жил мой отец.

... Танечка Грибова позвала меня с улицы и я вышел на балкон. Жарища была, как всегда в апреле, когда ветер дует с пустыни – открываешь балконную дверь, а из нее пышет, будто из духовки.

– Привет! – она махнула мне рукой.

Как и у всех детей в «русском доме» – типовой пятиэтажке в четыре подъезда, кожа у нее была цвета военного шоколада, который отец приносил со службы. Этот шоколад я любил – не лакомство, не для девочек. Настоящий военный паек, грубым куском, а не плиткой, завернутый в толстую мятую фольгу. На Танечке из одежды были лишь трусики, панамы и сандалеты, как и у всех ребят – в такую жару просто невозможно было надеть еще что-то.

– Привет! – Я облокотился о раскаленную полоску перил, но тут же одернул локти. – А где Лешка и Ксюша?

– Их доктор застучал с Фазилькой и Ахматом, прописал гору митаминок и посадил под домашний арест. Ты выйдешь?

– Да.

Первый этаж – не высоко. Я надел шорты, чтоб с карманами, сандалеты, кепку, всю в полумесяцах, перемахнул через перила и спрыгнул в сухую траву.

– Погнали на водокачку? – спросил я Танечку.

– Давай. Еще дядя Ясель скоро привезет вату. У тебя есть денежки?

Я с гордостью вынул из кармана пять желтых монеток с угловатыми орлами и арабской вязью по округности.

– Ого... – уважительно сощурилась Танечка. – Давай купим, а потом на водокачку.

– Давай. – мне было жалко, но мама говорила, что о девочках надо заботиться.

Мы оббежали дом и вышли во двор, куда выводили подъезды всех трех «наших» пятиэтажек. Там, как обычно, ходили козы, оставляя в пыли черный горошек какашек. Они копались мордами среди мятых картонных коробок и отмахивались хвостами от мух, но те их все равно донимали и козы жалобно блеяли. Дядю Яселя как всегда было слышно издали, потому что он звенел в колокольчик, когда вез свою тачку со сладкой ватой и ледяной «Кока-колой» в стеклянных бутылочках с талией.

Мы рванули через двор, на ходу выкрикивая:

– Дядя Ясик привез свой тарантасик!

Правда слушать было некому – пойманные за игрой с арабчатами друзья, томились в прохладных застенках квартир, а у остальной мелюзги не было денег на вату.

Дядя Ясель вкатил тележку во двор и стал громче прежнего названивать в свой колокольчик. Мы подбежали, даже на такой короткой дистанции обливаясь потом.

– Маркаба, валад! – поздоровался дядя Ясель.

– Маркаба. – ответил я, подыскивая подходящие слова на арабском. – Мэ уа самат.

И пальцами показал «два».

Дядя Ясель понял – он почти всегда понимал, что говорят дети. Откупорил две бутылочки «Кока-колы» и дал два пакетика голубой ваты. Я протянул все деньги, забрал покупки и отдал Танечке ее долю сладости и прохлады.

– Фулюз. – напомнил дядя Ясель и протянул сдачу.

– Шукран! – хором поблагодарили мы и направились к водокачке.

Там можно было купаться. Не всегда, конечно, только когда дежурил старый немой араб – он давал детям плескаться в отстойнике.

– Ты знаешь, кто там сегодня? – спросил я у Танечки.

– Нет. – пожалала она плечами и развернула сахарную вату с вплавленными в нее голубыми горошинками.

Мы дошли до края двора, наслаждаясь тающей во рту карамелью и пузырящейся влагой. Дальше ходить было нельзя, это был наш свой, специальный край Ойкумены. Только для нас – семилетних жителей «русских домов». Невидимая, но явственная граница. Зато в обратную сторону можно было заходить гораздо дальше, за дорогу, за дальний дом и даже доходить до небольшой пальмовой рощицы. Оттуда было видно «наши» дома и слышно, если мама позовет к обеду. Еще дальше была пустыня.

Но на самом деле мы всегда заходили за край. Каждый день. Главное было не попасть на глаза доктору. В этом и был главный смысл всех наших прогулок – зайти за край и найти там что-нибудь новое. Мир за краем был невероятно огромен, не понятен и сильно отличался от всего, что говорили родители. В нем не было красных стен Кремля, Первомая, дедушки Ленина и грозного Министра Обороны, который то и дело высылал из Советского Союза приказы, из-за которых отца почти не бывало дома.

Зато в нем было столько всего... Время от времени мы назначали разведчика из тех, чьих родителей не было дома, чтоб раньше времени не поднялся шум и чтоб можно было, не шатаясь толпой, найти что-нибудь интересненькое. Доктора в такие часы мы брали на себя, добровольно заходя к нему в квартиру за кислющими «митаминками». Сегодня родителей не было ни у меня, ни у Танечки, но и прикрыть нас было некому, поэтому мы нерешительно остановились на невидимой черте, проведенной между нами и миром.

Вата была очень вкусной, а «Кока-кола» кололась, как всегда. Но солнце припекало и стоять на одном месте было не очень приятно.

– Может не пойдем? – осторожно предложила Танечка. – Мне что-то не очень хочется купаться. К тому же Лешка, ты не знаешь, кидался в молодого араба камнями. Если поймает, будем сидеть под арестом. Хочешь, я тебе покажу новое место, которое Ксюха разведала? Она только мне показала, а Лехе нет, потому что этот дурак бабахнул у нее над ухом из своего «семилетника» и у нее гудело целый час до неба.

Лехе было уже целых одиннадцать лет, поэтому свой хромированный капсюльный револьвер, неотличимый от настоящего, он назвал «семилетником», подчеркнув его главное назначение – пугать семилетних друзей. Зато Алеша был лучшим разведчиком и лучшим драчуном в редких стычках с арабчатами. С ним было не страшно. Раньше он жил в Корее и знал борьбу, в которой бьются ногами.

Ксюша была его любовницей, все это знали, даже последняя мелюзга, но обзывать боялись – Алеша мог догнать и оттащить за уши любого. Они часто ссорились по пустякам и ско-

рее всего так никогда и не поженятся, а Ксюша еще любила после ссор подстраивать Лешке мелкие пакости. Но даже за это он не таскал ее за уши.

– А что на том месте? – спросил я, чтоб не переться куда-нибудь из-за девчонских пустяков.

– Это секрет, но тебе понравится. – хитро пообещала Танечка. – Только это далеко. В пустыне.

У меня замерло сердце. В пустыню, да еще далеко, не отваживался заходить никто из мальчишек-разведчиков. Там конечно не было цыган, которые могли забрать всю одежду, все игрушки и даже забрать ребенка, чтоб заставить его плясать на канате, но зато там можно было заблудиться по-настоящему и еще там были шакалы. На взрослых они не нападали, но Лешка рассказывал, как напали на него, и ему пришлось разгонять их выстрелами из «семилетника». Он не заходил далеко, хотел подняться лишь на первый бархан, но хватило и этого. А еще дальше, говорят, водятся львы.

– Вы что, туда ходили? – ужаснулся я.

– И не один раз! – показала язык Танечка. – Струсил?

– Скажешь тоже. – не смотря на жару у меня по телу пробежали мурашки.

– Тогда пойдем.

Мы снова прошли через двор, помахали Яселю и зашли за дом, чтоб хоть немножко пройти в тени. Сухая трава колко шуршала под ногами и здесь уже был слышен непрерывный звон цикад. Я много раз пробовал найти хотя бы одну, но у меня ни разу не получилось отыскать ее по звуку в скомканном войлоке низкой травы. Звук раздавался, казалось, отовсюду, безнадежно обманывая ощущения. Он был, но воспользоваться им было нельзя. В конце концов, от бесполезности этого звука, уши перестали его воспринимать.

– Подержи. – попросил я, протягивая бутылочку.. – Пойду возьму пистолет от шакалов.

Я перемахнул через перила и достал из своей тумбочки кобуру с пистолетом. Конечно это был не грозный многозарядный «семилетник», машинка подешевле, а значит попроще. Не было в нем вращающегося барабана и капсуль заряжался только один, его надо было выдуть после выстрела и быстро вставлять новый под взведенный курок. Но в частых мальчишечьих войнах я научился делать это так быстро, что скорострельность моего пистолета почти не отличалась от многозарядок друзей. Особенно, когда они вынуждены были вытряхивать и перезаряжать свои барабаны. И еще у него было одно достоинство – когда наступал вечер, из его ствола при выстреле вырывалась трехсантиметровое пламя, вызывая восторг и зависть обладателей более дорогих и более безопасных игрушек. Я надел пояс с кобурой поверх шортов и бросил в карман неначатую пачку капсулей, спрыгнул с балкона в траву и мы отправились дальше.

Минут через пятнадцать дошли до дороги. Одним концом она упиралась в город, а другим раздвигала барханы и убегала в даль, размазанную дрожащим маревом жаркого воздуха. Мама говорила, что она ведет в другой город. Дойдя до пальмовой роши, мы отдохнули в тени. Это был такой ритуал, здесь было наше место и именно здесь мы назначали разведчиков, хотя за этот край они ходили редко. В пустыне не было почти ничего интересного, только однажды Лешка нашел увязший в песке у дороги асфальтоукладчик с целыми рычагами. Но это было интересно нам, а не девочкам, и не хотелось зря рисковать, гораздо полезнее было пробраться в город и найти во дворе настоящий фонтан, в котором можно было купаться без разрешения.

Барханы отсюда были совсем не далеко, жаркий ветер иногда приносил самые мелкие песчинки с верхушек.

– Жаль, что не на всех пальмах растут финики. – посмотрел я наверх.

– Тебе же нельзя. – нахмурилась Танечка. – Опять объешься и будешь ходить с перевязанными коленками.

Она была права – в прошлый день рождения я объелся финиками так, что следующий месяц у меня под коленками рубцевалась диатезная корочка. Чесалось ужасно, даже теперь иногда, хотя остались лишь розовые подушечки шрамов.

Мы оставили пустые бутылки возле лохматых стволов и неспеша пошли дальше. Не потому, что спешить было некуда, а потому, что жизнь на краю раскаленной пустыни приучила к особому, экономному ритму шагов.

Скоро сандалеты стали проваливаться в песок – мы зашли гораздо дальше, чем я до этого был.

– И как вы запоминаете дорогу? – на всякий случай спросил я у Танечки, пока мы еще окончательно не забрались в барханы.

Мне было тревожно, но меньше всего хотелось казаться трусом.

– По приметам. – загадочно сказала она и, сощурившись, посмотрела на солнце.

Я знал зачем, потому что все разведчики определяли направление по солнцу, но уже понял, как это глупо, смотреть на него впрямую – тени указывали гораздо точнее.

Мелкие барханы мы проходили напрямиком, а на большие не лезли – тяжело. Но скоро я заметил, что горы песка все больше мельчают, превращаясь сначала в длинные насыпи, похожие на хвосты динозавров из книжки, а потом и вовсе рассыпаются в почти ровное песчанное плато с крохотными волночками.

– Здорово! – не сдержался я.

Вид окрывался к далекому дрожащему горизонту у которого торчали крохотные зонтики пальм.

– Теперь правее. – довольная эффектом Танечка пошла первой.

Мы пересекли ровное плато по диагонали, и если бы ступни не тонули в горячем песке, идти было бы одно удовольствие. Один раз нам даже попался кусочек растрескавшейся асфальтовой дороги, оба края которой уходили в песок. Уже оттуда было видно, что справа плато обрывается куда-то вниз. Мы ускорили шаг и подошли почти к самому обрыву.

– Закрой глаза. – попросила Танечка.

– Это еще зачем? – нахмурился я.

– Такое место. Когда Ксюша привела меня сюда в первый раз, я тоже глаза закрывала.

Я честно сожмурил веки и дал ей руку. Она повела меня через раскаленное марево, дрожащее на коже лица, но в тот момент я думал лишь о том, как приятно держать ее за руку.

– Осторожно, тут спуск. – предупредила она.

Мы спустились на корточках, стараясь чтобы песок не попал в трусики.

– Открывай.

Я открыл глаза и замер. Мы с ней находились в таком странном месте, настолько не похожем на каждодневную реальность, что я оторопело помотал головой. Во-первых, тут было не так жарко, как среди барханов и даже прохладнее, чем во дворе. Во-вторых, нас окружала густая пальмовая роща, расчертившая песок широкими полосами теней. И еще тут была вода – много воды, просто огромное количество. Озерцо, размером больше нашей квартиры, обрамляли заросли из пучков стреловидных листьев, стайка маленьких длинноногих птиц бродила возле самого берега, ковыряясь клювами в жидкой грязи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.